

С. 2

В Александро-Невской лавре открыт церковный музей

По благословению наместника лавры епископа Кронштадтского Назария первой экспозицией нового музея стала выставка «Non licet vos esse. Не должно вам быть», созданная членами Преображенского братства год назад к 90-летию антицерковной кампании 1922 года

С. 4

Читая «Красное Колесо»

В 1936 году семнадцатилетний студент Ростовского университета Александр Солженицын решил, что он должен написать большой роман о русской революции. Повествование, состоящее из десяти книг (входящих в четыре привязанных к конкретным историческим срокам «узла») было закончено в 1989 году

С. 8

«Покаяние ведет к восстановлению человечности в нас»

Размышляя о том, что обыденная церковная жизнь подчинилась «веку сему», о. Александр Шмеман отмечал, что, страдая от этого неперестанного поражения, современные христиане ищут выход (если ищут), но находят его не в том

Язык Церкви

В приложении рассказывается о том, как завершилась организованная Синодальной библийско-богословской комиссией конференция РПЦ «Современная библиистика и Предание Церкви». Публикуются и новые переводы. На сей раз это переводы не библийских текстов, а стихов известного американского поэта, монаха-трапписта Томаса Мертона

Каким может быть сегодня «стояние в вере»

В этом году исполнилось 65 лет с начала служения в Ташкентской епархии архимандрита Бориса (Холчева). Являясь духовным чадом оптинского старца Нектария, затем московского старца о. Алексия Мечёва, он становится ближайшим помощником будущего священномученика о. Сергия Мечёва. В 1939 году о. Сергей, предчувствуя свою скорую гибель, благословил о. Бориса быть пастырем Маросейской общины. О подвиге пастырства отец Сергей говорил, что он «почитається в церкви выше подвига мученичества»... И отец Борис исполнил завет своего духовного отца. Он взял на себя окормление членов Маросейской общины, а с 1948 года и до конца жизни нёс пастырские труды в Средней Азии, куда поехал по призыву владыки Гурия (Егорова) и куда за ним последовали некоторые братья и сёстры Маросейской общины. Здесь отец Борис становится ближайшим сподвижником архиепископа Ермогена (Голубева) в деле возрождения церковной жизни в Ташкентской епархии.

Об исповедничестве веры в то время, о преемственности этого опыта сегодня мы

беседуем с первым проректором по учебной части Ташкентской духовной семинарии, председателем Просветительского отдела Ташкентской и Узбекистанской епархии РПЦ, настоятелем храма во имя Александра Невского г. Ташкента протоиереем Сергием Стаценко.

Отец Сергей, хотелось бы яснее представить себе жизнь епархии в советское время, в частности в 1950-х годах, когда в ней было собрано столько исповедников веры.

Здесь мы можем опираться только лишь на те исторические сведения, которые фрагментами дошли до нас. Я думаю, что на тот исторический период именно Ташкентская и Среднеазиатская епархия в плане хранения и развития православного христианства стала неким «духовным реактором». Это можно сравнить с процессами ядерного синтеза. В 20–30-х годах XX века эта земля стала местом прибежища представителей, я бы сказал, духовной элиты нашей Церкви. Средняя Азия приняла тех, кого новые власти должны были уничтожить, но не

расстреляли и не загнали в лагеря. На сравнительно небольшой территории сформировалась определённая «критическая масса» носителей духа Христова. В условиях внешнего давления и смертельной опасности эти люди сделали для себя окончательный выбор в личных убеждениях, при этом отсеялся духовный «шлак». И тогда они буквально вынуждены были жить напряжённой духовной жизнью, что в этом кипящем конгломерате просто не могло не породить духовного же творчества и духовного развития нашей Церкви. Это было закономерно и естественно!

В своё время Средняя Азия среди определённой категории священнослужителей называлась «Золотым дном». В этом названии я вижу не только меркантильный момент. Невольно для себя эти люди дали точнейшее определение христианской духовной жизни на этой земле. Весь цвет верующей интеллигенции, да и вообще верующих людей сосредоточился именно в Средней Азии как месте ссылки всех инакомыслящих, в первую очередь верующих.

Архимандрит Борис (Холчев)

Окончание на с. 5

Ежедневное чтение Писания должно стать привычкой

В президиуме на первом пленарном заседании: митрополит Волоколамский Иларион, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, митрополит Бориспольский Антоний

Открывая конференцию, святейший патриарх Московский и всея Руси Кирилл указал на особую важность соотношения жизни христианина со Словом Божиим. «Механическое восприятие текста не сработает, когда человека просят сказать нечто о его собственном, личном понимании библийского текста», – сказал патриарх Кирилл. Он отметил, что «хорошее знание Писания необходимо, в том числе, и для понимания православного богослужения». Особое значение имеет размышление над библийскими текстами «в группе людей под руководством опытного наставника – священнослужителя или катехизатора», которое «становится школой изучения Священного Писания и его применения к обстоятельствам нашей жизни».

Говоря о развитии российской библиистики, предстоятель Русской православной церкви подчеркнул, что сегодня нельзя ограничиваться повторением сказанного русскими библистами XIX

и начала XX века, поскольку материал, которым располагает современная мировая библийская наука, «превышает – и по объёму, и по значению – всё то, что было во времена учёных, о которых мы сейчас говорили». Также патриарх сказал о необходимости изучения древних языков, без знания которых заниматься библистикой «значит обрекать себя на отсутствие всякой оригинальности, потому что петь придётся с чужого голоса».

Председатель Синодальной библийско-богословской комиссии и Отдела внешних церковных связей митрополит Волоколамский Иларион представил доклад «Переводы Библии и современность». «С самого начала христианской истории внимание Церкви было обращено на Весть, на проповедь, на миссию, а не на фиксированный текст на конкретном «священном» языке, – напомнил митрополит Иларион. – Это радикально отличается, например, от отношения к священному тексту в раввинистическом иудаизме или в исламе».

Продолжение на с. 3

«Основная мысль Бога есть мысль о человеке»

2 декабря в конференц-зале гостиницы «Даниловская» состоялся традиционный Актовый день Свято-Филаретовского института

Зав. кафедрой Священного писания и библийских дисциплин Л.Ю. Мусина, ректор СФИ профессор священник Георгий Кочетков, проректор Дмитрий Гасак

Своих представителей для приветствия СФИ направили председатель Отдела внешних церковных связей, ректор Общецерковной аспирантуры и докторантуры митрополит Волоколамский Иларион, председатель Синодального отдела религиозного образования и катехизации митрополит Зарайский Меркурий, председатель Синодального миссионерского отдела митрополит Белгородский и Старооскольский Иоанн, ректор Росийского православного университета игумен Пётр (Еремеев).

Институт поздравили члены Попечительского совета – Анатолий Андреевич Красиков, глава Центра по изучению социально-религиозных проблем Института Европы РАН, и поэт Ольга Александровна Седакова; Алессандро Салаконе от имени Общины святого Эгидия; выпускники, студенты и члены Преображенского братства.

Об итогах работы института в

2012/13 учебном году рассказал проректор СФИ Дмитрий Сергеевич Гасак. Он начал свой доклад с воспоминания о трагической кончине в августе этого года протоиерея Павла Адельгейма, члена Попечительского совета СФИ, многие годы преподававшего в нём, а в феврале 2013 года вошедшего в Преображенское братство. Его убийство стало знаменем времени, которое «свидетельствует об актуальности слов Спасителя о том, что жаждущие правды в нашем обществе отнюдь не в чести и что борьба с духами злобы поднебесной – самый острый вопрос современной церковной жизни», – сказал Д.С. Гасак.

Он также напомнил о том, что в минувшем году институт отпраздновал своё 25-летие. В этой связи в РИА «Новости» прошла пресс-конференция «Нужна ли интеллигенции церковь? Нужна ли церкви интеллигенция?»

Окончание на с. 6–7

Экскурсию по выставке проводит руководитель авторского коллектива Светлана Чукавина

4 декабря в Свято-Троицкой Александро-Невской лавре, в год её 300-летия, был торжественно открыт церковный музей. По благословению наместника лавры епископа Кронштадтского Назария первой экспозицией нового музея стала выставка «Non licet vos esse. Не должно вам быть».

Эта передвижная выставка, побывавшая уже в храме Христа Спасителя в Москве и ещё в нескольких городах, посвящена кампании по изъятию церковных ценностей, которая происходила в 20-е годы XX века. Особое место в экспозиции занимают стенды, посвящённые духовному сопротивлению петроградских жителей этой кампании по дискредитации церкви, и прежде всего деятельности Александро-Невского братства, возникшего в лавре в 1918–1919 годах. Организаторами выставки в Санкт-Петербурге стали Свято-Троицкая Александро-Невская лавра, Культурно-просветительский фонд «Преображение», Свято-Филаретовский православно-христианский институт, Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта (г. Шуя). Большое участие в устройении выставки на территории музея Александро-Невской лавры приняло Свято-Петровское малое православное братство.

Открытие музея и выставки началось с молебна и литии о невинно убиенных в годы советских репрессий. Богослужение возглавил владыка Назарий. Затем в своём приветственном слове он в первую очередь поблагодарил создателей выставки за то, что её экспозиция помогла открыться будущему музею Александро-Невской лавры в последние дни юбилейного года – 300-летия со дня её основания. До революции в этом помещении находилось древлехранилище, в котором находилось множество драгоценных предметов, имевших духовное и памятное значение, – например, мантия и княжеский головной убор святого Александра Невского или посохи для игуменов лавры, сделанные рукой Петра I. Можно сказать, что открытие музея, разорённого в советское время, является восстановлением древней традиции – ведь при всех древних монастырях и храмах существо-

вали такие хранилища, которые можно назвать предтечами музеев, возникших гораздо позже.

Дмитрий Гасак, проректор Свято-Филаретовского института, одного из организаторов выставки, напомнил, что вердикт «Не должно вам быть» являлся главным аргументом и основанием для гонений на христиан в Римской империи. Нечто подобное творилось и в советской России. Кампания по изъятию церковных ценностей была организована в годы голода для того, чтобы устроить гонения на Церковь как на один из важнейших оплотов старой России. К сожалению, в памяти народной часто эта кампания до сих пор воспринимается так, как этого хотелось власти: люди голодали, все собирали средства для помощи, и только церковь как будто не только этого не делала, а даже боролась против помощи голодающим. Необходимо разъяснить раз и навсегда, что было на самом деле, чтобы сегодня у людей не оставалось никаких иллюзий. Удивительно, что выставка экспонируется в Александро-Невской лавре, ведь она сама является памятником тех времён: достаточно выйти во двор, чтобы увидеть могилы погибших в те годы. Дмитрий Гасак отметил, что выставка касается не только церкви, а всех людей, потому что удар советской власти был направлен против всего народа. Здесь описаны не только трагические стороны этого времени, но повествуется и о славных страницах истории, потому что нашлись те, кто, не боясь ничего, сумел сказать слово правды. Одним из первых, кто не отступил от истины и поплатился за это вместе со своими собратьями жизнью, был митрополит Вениамин Петроградский.

Юлия Балакшина, куратор выставки, председатель Свято-Петровского братства, поблагодарила за предоставленные для выставки предметы музей Александро-Невской лавры, а также потомков новомучеников – внука протоиерея Философа Орнатского Сергея Михайловича Доброумова, передавшего в музей личные вещи деда, и внука протоиерея Михаила Чельцова – Анатолия Васильевича Чельцова. Протоиерей Михаил Чельцов проходил по одному делу с митрополитом Вениамином Петроградским и тоже был приговорён к расстрелу, однако ему, как и ещё пяти подсудимым, расстрел в последний момент заменили лагерем. Также Юлия Балакшина поприветствовала представителей возрождённого в последние годы Александро-Невского братства.

Протоиерей Георгий Митрофанов, заведующий кафедрой истории Санкт-Петербургской духовной академии, обратил внимание присутствующих на то, что гонения на церковь во время кампании по изъятию церковных ценностей происходили в мирное время, когда гражданская война уже кончилась и в условиях НЭПа у многих появилась надежда на то, что богоборческий режим может перестать быть таковым. Однако в эти годы было уничтожено почти столько же священнослужителей, сколько и во время Гражданской войны. Причём

неожиданно выявилось, что среди палачей доминировали люди, православные по крещению и образованию, – можно вспомнить выпускника церковно-приходской школы Тучкова, начальника 6-го отделения ГПУ, у которого сестра была монахиней, или сменившего его в должности полковника госбезопасности Карпова, окончившего полный курс духовной семинарии, не говоря уже о недоучившемся семинаристе Сталине.

Отец Георгий предложил отказаться от стереотипа «идиллически существовавшей до революции церкви, вдруг подвергшейся в советское время гонениям». Многие новомученики, отстаивавшие достоинство и честь церкви, осознавали, что это был результат неблагополучия церковной жизни. Поэтому митрополит Кирилл (Смирнов), осознавая вину и ответственность епископата за происходящее, сказал в своё время патриарху Тихону: «Мы только и годны, что сидеть в тюрьмах». Неслучайно в экспозиции большое внимание уделено Александро-Невскому братству. Его создание было попыткой в условиях тотальной духовной несвободы основать подлинную свободную жизнь, которой не было даже до революции. Говоря об одной из трагических страниц нашего прошлого, выставка позволяет взглянуть на очень актуальные проблемы нашего настоящего, ведь мы не можем говорить о беспроblemности нашей церковной жизни сейчас. Она позволяет увидеть главное: не только то, что гонения были не случайны, но и то, что опыт гонений стал опытом подлинного церковного творчества. Она предлагает увидеть перспективу нашего церковного будущего, которое будет избавлено от изъянов прошлого и сделает невозможным дальнейшие гонения на церковь. Тогда мы сможем сказать, что опыт новомучеников воспринят нами действительно творчески, мы не только молимся им, уповая на их ходатайство о нас, но продолжаем их дело по созиданию церковной жизни в духе свободы и любви, которых так не доставало в истории Русской православной церкви.

Также на открытии выступили директор музея Александро-Невской лавры Лидия Соколова и внук протоиерея Михаила Чельцова Анатолий Васильевич Чельцов, подаривший музею Александро-Невской лавры книгу, которая принадлежала его деду. Эта книга, которую отец Михаил уберёт во время многочисленных арестов с неоднократной конфискацией имущества, найдёт себе место среди экспонатов.

Руководитель авторского коллектива Светлана Чукавина провела первую экскурсию по выставке. Присутствовавший при этом протоиерей Георгий Митрофанов дополнял экскурсовода малоизвестными фактами из петербургской истории гонений на церковь.

Анастасия Наконечная
Фото Игоря Хмылева
Информационная служба Преображенского братства

Интервью с наместником Свято-Троицкой Александро-Невской лавры епископом Кронштадтским Назарием

Сегодня музей Александро-Невской лавры открывается выставкой «Non licet vos esse. Не должно вам быть», посвящённой кампании по изъятию церковных ценностей в 1922–1923 годах. Имеет ли эта тема новомученичества для Вас личное звучание?

Конечно, имеет, иначе бы её не было здесь, в лавре. Я принадлежу уже к другому поколению, но родился ещё при Сталине, при мне уже происходили гонения на Церковь во времена Хрущёва, и тем более я помню время «застольное», как иногда называют застойные годы при Брежневе. Это было очень тяжёлое время для Церкви, особенно годы так называемой «оттепели», которая для Церкви обернулась настоящим морозом. И я помню, как это было. Об этом обяза-

тельно надо говорить, открывать людям глаза на то, что происходило раньше, они обязательно должны знать.

Владыка, слава Богу, сейчас мы всё чаще вспоминаем наших новомучеников, но учимся ли мы у них тому, как они жили? Что нам делать, чтобы действительно их опыт воспринять в своей жизни?

А разве мы не учимся у них? Если бы мы не учились – разве было бы столько канонизаций, молитв, книг, которых сейчас всё больше? Ведь совершается огромная работа для того, чтобы люди знали своих святых. Вы представляете себе, что это такое – нужно каждый листочек уголовного дела проверить, каждую строчку, быть точно уверенным, что нигде эти люди, которых представ-

ляют к канонизации, никого не предали, ничьих имён не называли, что действительно до конца вели себя стойко и мужественно. Иначе их нельзя к канонизации представлять. Это действительно большая кропотливая работа. А если всё-таки наши прихожане, миряне недостаточно знают новомучеников, их жизнь, – то это во многом уже наша вина, вина духовенства. Нам нужно работать над тем, чтобы о подвиге новомучеников люди знали: говорить об этом, проповедовать, просвещать людей. Вот и эта выставка, которая сегодня открылась, нужна именно для такого просвещения. Потому что если мы как следует не узнаем, что было с нашей Церковью в те годы, всё это может повториться вновь.

Беседовала Анастасия Наконечная
Фото с сайта Александро-Невской лавры

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
kifa@list.ru
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Деметьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тиртыш, Мария Кайкова

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Газета издается с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:

в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей

Москва:
+7-964-534-64-55
(Александра Ошарина),
+7-965-146-14-56
(Анна Гринман),
+7-965-128-15-07
(Марина Чиркова)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-3981
(Анастасия Наконечная)

США, Канада: 1-651-210-4922,
oleg@voskres.net
(Олег Воскресенский)
Архангельск: +7-921-073-3276
(Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-1137
(София Кудряцева)
Воронеж: +7-950-763-5035
(Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-0391
(Татьяна Благодарева)
Рязань: +7-920-632-06-71
(Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-964-296-9042,
(Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83,
+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73
(Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-4305
(Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Сущевский вал, д. 49.

Тираж 1350. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 18 декабря 2013 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 20 ноября 2013 г.

gazetakifa.ru

Ежедневное чтение Писания должно стать привычкой

26–28 ноября в Москве прошла Международная богословская конференция Русской православной церкви «Современная библеистика и Предание Церкви», организованная Синодальной библейско-богословской комиссией

Несмотря на неоднократные в церковной истории попытки объявить какие-то языки «сакральными», «Православная Церковь никогда не канонизировала какой-то один текст или перевод, какую-то одну рукопись или одно издание Священного Писания», сказал докладчик. Он напомнил, что «святым Кириллу и Мефодию приходилось бороться с так называемой трехъязычной ересью, апологеты которой считали, что в христианском богослужении и литературе допустимы только три языка: еврейский, греческий и латинский. “Трехъязычная ересь” была преодолена, хотя её рецидивы, т. е. попытки провозгласить какой-то язык “сакральным”, не раз встречаются и в последующей истории Церкви».

На русском языке Библия полноценно звучала в XIX веке благодаря переводу, выполненному под руководством святителя Филарета Московского с еврейского масоретского текста, с учётом, в отдельных случаях, чтений Септуагинты. Интересно, что уже до революции наряду с Синодальным переводом существовало более двух десятков переводов библейских книг на русский язык. Многие из них принадлежали архиереям Православной Российской Церкви. «Самостоятельный перевод Нового завета на русский язык осуществил поэт Василий Андреевич Жуковский. Выдающийся русский философ-славянофил Алексей Степанович Хомяков перевёл и опубликовал переводы Посланий к Галатам и Ефесянам», – рассказал владыка Иларион. Важнейшим послереволюционным переводом стал изданный Британским библейским обществом в 1970 году перевод Нового завета под редакцией епископа Кассиана (Безобразова), в основу которого легло критическое издание Нестле-Аланда. Также докладчик вспомнил замечательные библейские переводы академика С.С. Аверинцева. Кроме того, он упомянул переводы И.М. Дьяконова и труды постсоветских десятилетий, в том числе перевод книг Ветхого завета, выполненный под руководством М.Г. Селезнёва, опыт которых «может оказаться востребованным при подготовке новых переводов Писания Русской православной церковью». Говоря о необходимости таких, митрополит Иларион упомянул, что помимо стили Синодальной Библии, далёкого от норм современного русского языка, в ней встречаются и ошибки, исправление которых имеет не только академическое, но и пастырское значение.

Председатель Международной католической библейской федерации и Папского совета по делам семьи архиепископ Винченцо Палья в своём докладе «Роль Библии и современных библейских переводов в жизни Католической Церкви» поставил вопрос о богословском смысле переводов и месте историко-критического подхода в них. «Процесс понимания и современного прочтения Слова Божия внутренне присущ самой жизни Церкви», – сказал докладчик. Перевод Библии – это деятельность по благовествованию и по содействию пониманию веры в ином культурном контексте, которое требует истолкования, ставящего библейское послание в более ясную связь с образами мысли, чувства, жизни и выражения, свойственными местной культуре. «Слово по природе своей ищет другого человека, любит его, потому что человек есть отношения», – сказал архиепископ Винченцо Палья. – И если это так для любых человеческих разговоров, то тем более для Слова Божия: оно призывает человека войти в общность с ним». Перевод Библии уже является экзегезой, напомнил докладчик. Игнорируя этот факт, фундаменталисты «в похвальном стремлении к полной верности Слову Божию на деле пускаются в путь, уводящий их от точного смысла библейских текстов, так же как и от полного принятия последствий Боговоплощения», добавил он. Сама природа библейских текстов требует, чтобы для их истолкования продолжали использовать историко-критический подход, однако нужно отдавать себе отчёт в его ограниченности, заключил докладчик. «Библейская экзегеза

призвана сохранить свою идентичность богословской дисциплины, основной целью которой является углубление веры», – сказал он.

Литургическое значение библейского перевода архиепископ Винченцо Палья связывает с преодолением разрыва между «Литургией слова и литургией Евхаристии», между Словом и Таинством, о котором писал выдающийся православный богослов протопресвитер Александр Шмеман. Писание в результате отрыва его от самой Церкви как опыта и духовной реальности растворилось «во всё более специальной и отрицательной критике», а Таинство, лишённое евангельского содержания, превратилось в самодовлеющее «средство освящения».

Управляющий делами Украинской православной церкви, ректор Киевских духовных школ митрополит Бориспольский и Броварской Антоний рассказал об истории переводов Священного Писания на украинский язык. Первые из них восходят к первой половине XIX века, ко времени формирования современного украинского литературного языка. Поэтическими переложениями священных текстов занимались выдающиеся деятели культуры и классики украинской литературы, например, Тарас Шевченко.

Все дореволюционные попытки осуществить украинский перевод Библии принадлежали не церковной власти, а представителям интеллигенции. Показательна история перевода Филиппа Морачевского. Получив от Синода отказ на публикацию своих первых евангельских переводов, в 1861 году он направил их в Императорскую Академию наук. Несмотря на высокую оценку, дальнейшее решение вопроса о возможной публикации оказалось вовлечённым в сложный внутривластный контекст: появление библейского перевода означало бы легитимизацию украинского языка как самостоятельного, что должно было повлечь за собой признание самостоятельности украинской нации. Синод так и не дал согласия на публикацию перевода. Более того, в 1863 году в империи вышел циркуляр, сделавший невозможным издание украинского перевода Евангелия. «Никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может», – утверждалось в циркуляре. Филипп Морачевский продолжал труд по переводу библейских книг и умер, так и не дождавшись их публикации.

Полный украинский перевод Библии, выполненный в XIX веке Пантелеимоном Кулишем, Иваном Пулюем и Иваном Нечуй-Левицким, вышел в свет лишь в 1903 году в Вене и распространялся Британским библейским обществом. После распада Российской империи работа по переводу продолжилась на украинских землях, оказавшихся в составе Польского государства, а также и в советской Украине, однако опубликованы они были лишь после 1988 года. В 2011 году Издательским отделом Украинской православной церкви было выпущено богослужбное Евангелие на украинском языке. Митрополит Антоний рассказал и о других переводах, которые «в большинстве случаев осуществлялись отдельными энтузиастами по их личной инициативе». Он подчеркнул, что хотя в рамках отдельных конфессий есть свои предпочтения, «к настоящему времени не существует какого-то одного общепринятого украинского перевода Библии».

Известный библеист, специалист по Септуагинте профессор Йохан Люст (Католический университет Лувена) в своём докладе опроверг распространённое представление о возрастании роли «мессианизма» в Септуагинте по сравнению с еврейским текстом. В частности, он показал, что многие библейские тексты, получающие мессианскую интерпретацию в талмудах, в Септуагинте переведены без следов «мессианизирующей» экзегезы. Профессор Люст также указал на важные методологические аспекты данной проблемы: необходимость различать «индивидуальный мессианизм» христианства и иудейский «коллективный мессианизм», учитывать особенности использования термина «мессия» в Ветхом завете и уточнять термин «Септуагинта», который может применяться к разным текстам.

Также на пленарных заседаниях первого дня конференции выступили профессор теологии Афинского университета Христос Караколис, заведующий кафедрой библеистики Общецерковной аспирантуры и докторантуры М.Г. Селезнёв, игумен Арсений (Соколов) и другие.

Библеисты за продолжение диалога науки и богословия

Второй день работы конференции «Современная библеистика и Предание Церкви» проходил в форме секций, одна из которых была посвящена проблемам исагогики и библейской археологии, а другая – проблемам экзегетики.

На первой секции было несколько острых и спорных докладов. Известный библеист, основатель и глава Славянской Библейской комиссии, профессор А.А. Алексеев в своём докладе о соотношении ветхозаветного текста с современными археологическими данными рассказал о двух сложных, с точки зрения библейской археоло-

гии, местах Ветхого завета: о событиях времён Исхода Израиля из Египта и об Иерусалиме времён пророка Исайи. В отличие от многих других эпизодов, которые в той или иной степени подтверждаются раскопками (книги Иисуса Навина, Судей, Царств эпохи Соломона и др.), Исход и Исайя на сегодняшний день абсолютно не подтверждаются научными изысканиями. Автор призвал не бояться трудных вопросов, которые ставит наука перед библеистикой, но искать на них честные непредвзятые ответы.

На секции экзегетики большинство докладчиков обращались к святоотеческим источникам: «Мессианские места Ветхого Завета в экзегезе Отцов Церкви» (прот. Димитрий Юревич, проректор СПбДА), «Возникновение святоотеческой экзегетической традиции: апологеты и Александрийская школа» (В.Я. Саврей, профессор МГУ и МДА), «Комментарий Феодора, епископа Мопсуэстийского, на Книгу пророка Ионы: истолкование Ион 1:4–5; 3:4 – начало критического метода или становление церковной экзегезы?» (А.Е. Петров).

В докладе протоиерея Геннадия Фаста (Абаканская епархия) «Песнь Песней Соломона в экзегезе Отцов церкви» предлагались семь различных взаимодополняющих толкований этой книги Ветхого завета, входящих к творениям Отцов – от буквального прочтения (Феодор Мопсуэстийский) до христологического (св. Мефодий Патарский, свт. Афанасий Великий). Заканчивая свой доклад, о. Геннадий признаёт, что на вопрос «Для чего эти семь таинственных прочтений Песни Песней?» ответить трудно: «Действительно, из Песни Песней Соломона мы не можем извлечь ничего дополнительного к истории Израиля. Не восполнит Священная Песнь и догматы о Христе и Церкви, не вручишь её, как пособие, подвижнику-аскету. Не может быть Песнь Песней базой для раскрытия церковного учения о Богородице и Боговоплощении...» Но так же трудно ответить и на вопрос, зачем люди поют. И «Песнь Песней дана для того, чтобы всё это “переложить на ноты”, чтобы всё это воспеть. Чтобы любовь Божия к Своему творению, любовь Спасителя к искупленной Своей Невесте звучала песнью к небесам...»

Говоря о некоторых аспектах святоотеческой экзегезы Шестоднева, прот. Александр Тимофеев (зав. кафедрой библеистики МДА) показал живое разнообразие подходов, объединённых стремлением противопоставить многочисленным языческим системам того времени ясное учение о Боге – Творце всего сущего, показать, что материя не совечна Богу и не обладает божественными свойствами. «Consensus patrum следует искать вовсе не в продолжительности времени дней творения, он лежит совсем в другой плоскости», – сказал докладчик, призывая к диалогу богословия и научного знания и мягко оппонирова «научному креационизму» – одному из наиболее активных движений христианских фундаменталистов (в первую очередь протестантских), утверждающему, что существуют научные подтверждения буквалистской трактовки Писания.

Тема противостояния «научного креационизма» и живого диалога продолжилась на круглом столе «Шестоднев и его контекст». Ведущий, прот. Владимир Шмалый, секретарь Синодальной библейско-богословской комиссии и проректор Общецерковной аспирантуры и докторантуры, призвал участников не воспринимать президиум как нечто подавляющее и нависающее сверху, но скорее как часть круглого стола, и вести разговор в жанре панельной дискуссии. В разговоре, действительно, приняли участие не только члены президиума – прот. Кирилл Копейкин (СПбДА), М.Г. Селезнёв, зав. кафедрой библеистики ОЦАиД, К.М. Антонов, зав. кафедрой религиоведения ПСТГУ, А.И. Кырлежев, научный консультант СББК, – но и многие из сидевших в конференц-зале гостиницы «Даниловская»: от представлявшего взгляды «научных креационистов» А.М. Малера (с сожалением признавшего, что почти никто из них не пришёл на круглый стол) до главного редактора газеты «Кифа» А.В. Колымагиной. Александра Колымагина озвучила идею диалога между представителями науки и богословия, рассказав о том, что именно в этом ключе проводит семинары между «физиками и клириками» Свято-Филаретовский институт. Говоря о необходимости «перевода» с мифопоэтического языка библейского откровения на современный мифопоэтический язык, она сказала: «Я благодарна отцу Георгию Кочеткову за то, что он делает это многие годы, проводя катехизацию, и это помогает многим людям приходить к Богу и в Церковь».

Дискуссия, продемонстрировавшая широкий спектр мнений, несомненно, будет учтена при подготовке документа Межсоборного присутствия о соотношении науки и веры, тезисы которого озвучил М.Г. Селезнёв в начале работы круглого стола.

По материалам Информационной службы СФИ и Информационной службы Преображенского братства Фото Николая Токарева (1 с.) и с сайта Патриархия.ru

Окончание в приложении «Язык Церкви»

Читая «Красное Колесо»

Когда этим летом наша группа составляла маршрут паломничества (а собирались мы ехать в Новгородскую область, в Боровичи, Валдай и Старую Руссу), глянув на карту, мы вдруг увидели, что часть пути лежит вдоль маленькой железной дороги, и следующий пункт на ней – станция Дно. «Давайте заедем туда!» – сказала я. – Проведём встречу о трагических страницах русской истории. В этом году 400 лет Дому Романовых... Манифест об отречении...» Манифест был подписан не на станции Дно, а на запасных путях псковского вокзала. Но эта дорога, эта встреча (готовясь к ней, мы во многих подробностях узнали, как всё происходило) почему-то не оставляли меня и дальше. И осенью я взялась за то, к чему раньше так и не могла приступить, – за чтение «Красного колеса».

То, о чём я хочу рассказать, – не философские или историкофилософские размышления, не литературоведческие наблюдения, а просто желание поделиться тем потрясением, которое вызывает в сердце эта книга, которую мы часто по тем или иным причинам боимся начать читать.

Там, на станции Дно, готовясь к встрече, мы спорили: так ли важен сам момент отречения? Ведь всё равно так или иначе дело шло именно к этому? Давление левых, заговор правых, слабхарактерность самого императора – разве возможны были при всех этих условиях другие пути, кроме катастрофического?

Сейчас, читая Солженицына, я всё больше укрепляюсь в неосознанном чувстве протеста против этого исторического детерминизма: в любом искушении есть сила, которая в него всё глубже «тащит», – но есть и возможность воспротивиться ей, и даже если не повернется ход истории в этот конкретный момент, то хоть отдашь жизнь не даром (а это тоже не останется без последствий).

У каждого из нас есть самые дорогие места Писания, те, что любишь и вспоминаешь чаще других. Для меня одним из таких мест всегда был «торг» Авраама с Богом о судьбе Содомы и Гоморры. «Может быть, есть в этом городе пятьдесят праведников? Неужели Ты погубишь, и не пощадишь места сего ради пятидесяти праведников в нем? Не может быть, чтобы Ты поступил так, чтобы Ты погубил праведного с нечестивым, чтобы то же было с праведником, что с нечестивым; не может быть от Тебя! Судия всей земли поступит ли неправосудно? Господь сказал: если Я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу все место сие. Авраам сказал в ответ: вот, я решился говорить Владыке, я, прах и пепел: может быть, до пятидесяти праведников не достанет пяти, неужели за недостатком пяти Ты истребишь весь город?» И Господь согласился пощадить город ради 45, 30, 20 и даже 10 праведников. Но на этом числе разговор закончился: «И пошел Господь, перестав говорить с Авраамом; Авраам же возвратился в свое место» (Быт 18:24–33).

Мужественные и праведные, верующие и верные – кто знает, сколько их должно было быть, чтобы удержать Россию на краю катастрофы? Может быть, недостало совсем чуть-чуть. И никто из нас никогда не знает, не его ли личный выбор становится последней соломинкой, определяющей судьбу его страны и всего мира.

Один из таких выборов, решающих многое, – выбор между верностью и неверностью. Он относится прежде всего к отношениям человека с Богом. Но не только: пусть не так абсолютно, но относится он и к отношениям между людьми – и неизбежно встаёт в момент свержения монархии. Ведь это устройство государства в идеале основано на личной верности как минимум окружающим суверена дворян, верности, не зависящей от ума, красоты или свойств характера государя (поэтому мы можем восхищаться теми, кто

мужественно, даже ценой своей жизни прекословил Грозному, – но не можем восхищаться красивым и умным Курбским). Страницы, посвящённые в «Красном Колесе» отречению (далеко не самому страшному событию 1917 года), именно поэтому – одни из самых пронзительных в романе Солженицына. И может быть, даже не те из них, которые посвящены хорошо известным подробностям – письмам всех главнокомандующих армиями (включая великого князя Николая Николаевича): «Отрекись! Отрекись! Отрекись!», невозможности доехать до тяжелобольных детей, давлению главы Северного штаба генерала Рузского, – а те, где описаны возвращение в Ставку, в Могилёв, и путь оттуда (уже под арестом) в Царское Село, и где переплетаются и верность, так и оставшаяся невостребованной, и мелкая, и оттого ещё более отвратительная неверность. Вот оба этих отрывка:

«...подполковник Тихобразов принёс в оперативное отделение промежуточную псковскую телеграмму, ответ Данилова на понукания Ставки. Там сообщалось, что ждётся депутаты, а пока в длительной беседе со старшими генералами Северного фронта Его Величество выразил, что НЕТ ТОЙ ЖЕРТВЫ, КОТОРОЙ БЫ ОН НЕ ПРИНЁС ДЛЯ ИСТИННОГО БЛАГА РОДИНЫ».

Это было так не делово, не военно, не соответствовало императорской командной высоте, ни истинному соотношению сил, ни правильному направлению жертвы, это был – крик боли, когда бессердечно расплющили кисть, – но именно этот бесхитростный крик и прорезал. В этом внезапном крике выливалось само нутро, как оно есть, в этом крике нельзя было солгать, – и осветилось всем, что их отдалённый, замкнутый, непонятный император – на самом деле только и имел в душе, что самого себя готов принести в жертву России.

Только не знал – как. И сделал это наихудшим образом. И не в силах оправдать его за ошибки, кончая этой, – Свечин вдруг потерял ожесточение обвинять его...

<...>А тем временем отрекшийся Государь ехал и ехал в Ставку назад, для цели уже непонятной: не было тут ни единого дела, которое он должен был бы кому-то передавать, всё вращалось и без него. Как вырванный зуб, как оторванный палец, он тянулся вернуться на прежнее место, где уже не мог срастись.

Но именно по явной ненужности этого возврата, по быстроте растерянного падения бывшего императора, – хотя не было приказа ехать встречать, и никто не обязан был ехать встречать отрекшегося Государя, отставленного Верховного, и не в бычае было ездить его встречать, – но изо всех отделов многие пошли, и скромные чины. Кто бы мог проявить теперь такую низость – не встретить?

Пришло человек полтора.

Было 12 градусов, и резкий холодный ветер задувал мелким снегом, на перроне не устоять, а поезд опаздывал. До подхода ждали в павильоне. Когда вышел с последнего полустанка – переходили на «военную» платформу, освещённую фонарями, – и выстраивались длинной-длинной шеренгой по одному, по старшинству чинов. Едва уместились на платформе.

Отдельно стояла кучка штатских, с губернатором.

Вот показался в темноте вдали треугольник огней паровоза. Ближе, крупней, – с отдуванием, открытой работой штоков и медленными доворотами крупных красных колёс.

...Потом в двери вагона показался Государь – в форме кубанских пластунов, в бараньей папахе. Сошёл на платформу. Чуть улыбнувшись, отдал общую честь всему строю и поклонился, всем сразу.

За ним выходили – Алексеев; высокий пригбенный среброусый Фредерикс; и Воейков, вздорно вздёрнутый.

Никак не подтягиваясь, не строя себя для момента, Государь перешёл своей обычной невыступающей походкой. Как ни в чём не бывало.

Всегда неловкому, ему, вероятно, было

вдесятеро неловче сегодня: перед своими подчинёнными офицерами явиться никем, ничем.

Да ведь наверно и не ожидал, что так полно выйдут его встречать теперь.

Государь пожал руку первому генералу в строю.

Дальше в шеренге стали снимать перчатки.

Государь медленно переходил вдоль фронта офицеров, здороваясь.

Иногда говоря незначущую извинительную фразу, чтобы заполнить жуткую тишину.

Иногда просто задерживаясь на секунду, глаза в глаза.

Раз два как-то странно резко вскинул голову.

Близко был фонарь, и Свечин, стоя во втором десятке, разглядел, что Государь этим движением сбрасывает слёзы, чтобы ветер сорвал их и не надо было бы вытирать рукой.

Свечин не раз видел Государя близко и при полном свете, и бывал, в очередь, на высочайших обедах, и там тоже был подобный обход шеренги, и Государь жал руку, и стоял лицо к лицу, – но то всё бывало холодно, формально незначительно.

А сейчас при слабом свете фонаря он увидел похудевшее, постаревшее, с подвешенными глазными мешками жёлто-серое, даже землистое лицо отречённого императора – и сочувственно-твёрдо вник ему навстречу глазами, и с силой и полностью пожал руку, запоздало добавляя ему мужества»¹.

«Ехал Николай в императорском поезде – а поезд всё меньше ему подчинялся, утекал из-под остатков его влияния, но Николай ничего этого не замечал. ...И так же ничего не знал Николай, что думает и что делает его наполовину растаявшая свита.

Не знал, что лейб-хирург Фёдоров в своём купе со своих погонов на шинели выцарапал государевы вензеля – чтобы в Царском выйти уже без них. (Но оставил вензеля на тужурке, чтобы мочь ходить к царскому столу.)

Не знал, что милый граф Мордвинов раньше всех сумел осведомиться, что поезд от Вырицы пойдёт не прямо на Царское Село, но крюком через Гатчину, какая удача! – и уговаривался с одним и другим путейским чином, чтоб остановку сделали в Гатчине, где живёт его семья, – и он сойдёт со своим багажом (уже упакованным).

Не знал, что и флигель-адъютант Нарышкин, недавно писавший протокол всей сцены отречения, сейчас уже объяснял одному и другому, что не может задержаться в Царском, ибо в Петрограде у него срочные личные дела. И очень всем советовал слушать указаний Временного правительства, это единственно верное поведение.

Не знал, что остатки его свиты, кроме Долгорукова, костенели от ужаса, не ждёт ли их всех арест при выходе на перрон в Царском, – и только тем успокаивались, что должны б отпустить, ничего дурного за ними не числится.

...И не знал Николай, что в последнем комиссарский вагон являлись через тамбурную площадку делегации императорской прислуги – зарекомендоваться, и с денежными дарами, и с царскими обедами на думских депутатов.

А у тех были свои заботы: с крупных станций посылать телеграммы в Петроград, а от каждой непредусмотренной остановки вспашиваться: не готовится ли нападение на поезд – освободить царя?

Никто не приносил Николаю всех этих известий, да и не было у него заведено, чтобы свитские доносили друг о друге. А сходились к очередной еде – говорили о скорости поезда, о погоде, даже о военных действиях на фронтах, где не было сейчас действия.

...Вот подошёл поезд и к царскому павильону – маленькой царской станции в стиле весёлого русского шатра, в стороне от общей станции и на отдельной ветке.

...Царский вагон, как всегда рассчитано, остановился прямо против шатра – но

Судя по сохранившимся фотографиям, этот портрет 1895 года больше всего напоминает тот, что висел позади думской трибуны и был утрачен в 1917 году (по версии Солженицына – разодран солдатскими штками)

выходить не предложили сразу, а сам Николай постеснялся.

Сперва комиссары из последнего вагона подошли к начальствующим лицам, толковали с ними на перроне.

А между тем из поезда всё кто-то выходил, выходил, не мешкая, и рассыпались прочь.

Исчезали флигель-адъютанты. И только единственный остался из всей свиты, из двенадцати человек, молодой князь Василий Долгоруков»².

Болезненная оскорбительность хамского выпада одной из мартовских газет – «НЕВЕРНЫЕ ХОЛОПЫ. Люди будущих поколений поразятся: как случилось, что самодержавие оказалось покинутым с первого выстрела?.. Та каста, которая жила и кормилась за столом самодержавия, спряталась по норам, не пошевельнув пальцем... и покинутый ими царь одиноко ждал в своём вагоне великодушия русского народа. Английские карлисты, французские роялисты являли подвиги самопожертвования, а эти...»⁴ именно потому так и задевает, что простой человеческой верности не то что совсем не было – но трагически не хватило. Её не хватило всем, от императора, отдалившего от себя всех, кто был верен стране и ему лично, до множества простых солдат и крестьян...

Хорошо, пусть так. Но что это значит для нас? Не из-за осознания ли этой раны, одной из тех, что уже столетие не заживают в душе народа, мы начинаем метаться и изобретать ложные выходы, и строить многочисленные гробницы пророкам, которых убили наши предки? Не потому ли народ давится в очереди на выставку, посвящённую четырём столетиям Дома Романовых, – но совершенно не готовая каяться в страшном советском прошлом, более того – легковерно воспринимает льющуюся из «зомбошика» пропаганду реабилитации ленинизма и сталинизма? Не из этого ли же осознания неверности рождаются «царебожники», готовые почитать убитую царскую семью только в том случае, если все её члены были во всём безошибочны и бесконечно совершенны (а Распутин являлся «святым старцем»)?

Где же подлинный путь покаяния и выхода из нескончаемой Русской катастрофы, разрушившей наши души и родившей страшное отчуждение между людьми, происходящими из одного народа? Кому мы должны быть верными? Как может родиться та закваска, которая население нашей земли сможет «сквасить» и вновь сделать народом?

Наверное, пока только вопросом и можно закончить эти размышления. Но мне очень хотелось бы, чтобы все, кто прочитал эту статью, – ну, пусть не все, но хоть кто-нибудь! – взялся в поисках ответа для начала прочитать «Красное Колесо», книгу всей жизни автора, которому исполнилось бы сегодня 95 лет.

Александра Колымагина

¹ 3 марта, пятница. Красное Колесо. Узел III – Март Семнадцатого. Книга 2. Гл. 403.

² Василий Долгоруков на самом деле был ровесником Николая II, человеком очень простодушным (наверное, поэтому и сохранился в памяти как юноша). Он не оставил императора до конца: поехал вслед за ним в Тобольск и потом в Екатеринбург, был там схвачен на улице чекистами и вскоре расстрелян. Прославлен в РПЦЗ как святой мученик воин Василий.

³ 9 марта, четверг. Красное Колесо. Узел III – Март Семнадцатого. Книга 3. Гл. 519.

⁴ Цитируется по тексту «Красного Колеса». Узел III – Март Семнадцатого. Книга 3. Гл. 517.

Каким может быть сегодня «стояние в вере»

Начало на с. 1

Интервью с протоиереем Сергием Стаценко, председателем Просветительского отдела Ташкентской и Узбекистанской епархий

Можно привести один только факт: за первым Ташкентским («Боткинским») кладбищем существовал целый посёлок (его называли «Шанхай»), который был переполнен ссыльным духовенством и монашествующими. Среди них были епископы, множество священников и насельников разрушенных монастырей. Они ютились в землянках без всяких средств к существованию. Поддерживало этих людей местное население – узбеки-мусульмане, об этом свидетельствуют архивы, эти факты сохранила и благодарная людская память.

Здесь также можно говорить об интересных с точки зрения социологии взаимоотношениях между людьми.

Только мёртвый организм не имеет внутри себя конфликтов: только там «всё слажено, всё хорошо» – и всё медленно гниёт...

В любом человеческом обществе присутствуют самые разнообразные идейные движения и течения. Мы знаем о том, как верующие поддерживали друг друга, известны примеры самоотверженного стояния друг за друга. Но из тех же архивов мы знаем о фактах нестроения внутри церкви, что обусловлено законом «где есть человек – там есть грех»... Но для меня с позиций прошедшего времени и то и другое направление в человеческих отношениях, как это ни покажется странным, в любом случае воспринимается положительно! Ведь только мёртвый организм не имеет внутри себя конфликтов: только там «всё слажено, всё хорошо» – и всё медленно гниёт... Здесь же Церковь реально жила, реально дышала, даже через внутренние конфликты находила пути своего развития. Причём, насколько мне известно, это происходило гораздо интенсивнее, чем в других епархиях.

Показателен ещё один пример. Известно, что сталинская «оттепель» по отношению к Церкви начала заканчиваться приблизительно в 1948 году. Дальше постепенно пошло некоторое «охлаждение». Затем пришёл Хрущёв, и начались новые гонения. Так вот, факт того, что вместо глинобитной сырцовой церквушки, которая когда-то была построена при царском госпитале в Ташкенте, был построен грандиозный собор, вмещающий до трёх тысяч человек, причём это произошло в 1958 году, был – с учётом действительности того времени – немислим для центральных епархий России. В Средней Азии это стало реальностью!

Трудно представить, как такое строительство могло остаться незамеченным!

Технология была такая – сначала обстроили стенами уже существующее здание храма, а затем ветхие внутренние постройки снесли. Строительство ташкентского Успенского собора происходило под предлогом реконструкции. Естественно, что подобное могло произойти только под руководством действительно харизматичных лидеров. Одной из самых «знаковых» личностей в этом отношении, без сомнения, был владыка Ермаген (Голубев). И также закономерно, что за свою стойкость в вере владыка Ермаген пострадал. Сначала он был выслан из епархии. Я думаю, вы знаете и о том, что он активно протестовал против реформ, навязанных Церкви в 1961 году, и из-за этого в конце жизни находился в Жировицах, по сути – в заточении.

История показывает, что в нашей епархии внутрицерковные процессы всегда были обусловлены качествами личности иерархов. Нам чаще везло в этом отношении, поскольку власти отсылали сюда диссидентствующих, то есть самых храбрых, стойких и принципиальных, ну а потом горько об этом жалели. Но механизм репрессий, как правило, никогда гибкостью не отличался. Тупой маховик репрессивного аппарата загонял в Среднюю Азию лучших людей, и это налагало отпечаток на саму епархию.

Говоря о подвижниках того времени, Вы называли архимандрита Бориса (Холчева) первым кандидатом на канонизацию от Ташкентской епархии. В этом году исполнилось 65 лет с начала его служения в Средней Азии. Что известно о его служении здесь?

В здешних местах о. Борис появляется уже в статусе исповедника веры. За спиной у него уже был опыт лагерей, где он подорвал своё здоровье. «Отсидка» в лагерях привела к постепенно прогрессирующей слепоте, которая, наверное, не позволяла ему физически нести полноценное служение. Но сила Господня «совершается в немощи» (2 Кор 12:9). Физически о. Борис был ограничен, но в его служении сказывался духовный заряд, который он получил ранее (вы знаете, что он является преемником старческого опыта тех, кто жил в Оптиной пустыни, и отцов Алексия и Сергия Мечёвых на Маросейке). Если касаться именно ташкентского периода, архимандрит Борис служил, произносил замечательные проповеди. В то время эти проповеди не могли касаться

каких-то политических моментов, общественных проблем, – эти темы были не совсем, наверное, в «богословском тренде» того времени. Обращения о. Бориса к людям носили академический характер, с переходом к призыву о нравственном преображении. В наше время его труды опубликованы. Сейчас мы ведём работу по сбору машинописных текстов, которые ещё не дошли до публикации. У нас есть и аудиозаписи его проповедей.

Архимандрит Борис был светочем для многих людей, которые когда-то были прихожанами и служителями Успенского собора. У него было много значимых направлений пастырской деятельности. Для меня самым значимым из того, что он делал, было то, что он в советское время организовал при ташкентском кафедральном соборе огласительные беседы! Причём каким-то немислимым образом ему это не запрещали. А может быть, решили не трогать, считая это каким-то чудачеством подслеповатого старика.

В то время ведь любые религиозные собрания были запрещены.

На огласительные беседы о. Бориса в среднем приходило около пяти-десяти человек, но были такие времена, что их число доходило и до сорока.

Церковь в любое время атеистических гонений не стояла пустой. Тогда ещё были живы верующие, знавшие лучшие для Церкви времена, были ещё живы те старушки и старики, которые нашу Церковь сохранили, вынесли на своих плечах. Ещё свежи были переживания Великой отечественной войны, когда почти в каждой семье были невосполнимые потери, – время, когда неверующих практически не осталось. Церковь могла мотивировать свою деятельность тем, что женщинам, которые потеряли в Великой отечественной войне своих мужей, братьев, сыновей, нужно было духовное утешение. Это был один из предлогов, под которым русское православие сохраняло своё существование. Из архивов известно, что это было основным аргументом в споре с властями, который касался закрытия церквей, – где будут молиться вдовы, где будут молиться матери, у которых погибли в войну мужья и дети?

Возвращаясь к огласительным встречам: все чада архимандрита Бориса, с которыми мне приходилось встречаться, до сих пор с глубокой благодарностью вспоминают те знания, которые они получили в ходе катехизической подготовки перед крещением.

Известно ли, сколько встреч обычно проводилось? И где? Было ли определённое место?

На территории Успенского кафедрального собора была крещальня – приблизительно там, где сейчас находится чугунный решётчатый забор, отделяющий комплекс Ташкентской духовной семинарии от самого собора. В помещениях этой крещальни отец Борис людей оглашал, а затем мог крестить. Сколько бесед проводилось? Насколько я сумел по крупицам найти и как-то восстановить информацию об этом – от одной до трёх. Конечно же, невозможно было за столь небольшое количество встреч передать огромный объём сведений по вероучению православной Церкви и по основам духовной жизни, но у людей, не имевших мотивации и привычки к такого рода занятиям, на большее просто не хватало терпения. Есть сведения о том, что были нападки со стороны властей. Отцу Борису задавали вопросы типа: «Почему ты мешаешь людям креститься?»

Советская власть выступала защитницей крещения – какая метаморфоза!

Нет ничего удивительного в лицемерии атеистов, стремящихся разрушить Церковь. Насколько известно, о. Борис популярно объяснял «собеседникам», что люди должны понимать, зачем они крестятся, и приводил в пример коммунистическую идеологию. Вот вы, мол, принимаете идеи коммунизма, но если вы не знаете устава коммунистов, то как вы можете их правильно придерживаться? То же и здесь. А если мы будем воспитывать фанатиков, не имеющих знаний о вере, то они могут неправильно воспринять жизнь в советском государстве, они не будут признавать власть. Приходилось прибегать и к такой аргументации...

Отец Сергей, востребован ли сегодня в епархии опыт исповедничества и есть ли продолжатели традиции владыки Ермагена, архимандрита Бориса? Можно ли сегодня то, что делается в епархии, рассматривать как продолжение традиции тех лет?

Исповедничество как таковое, как стояние в вере под давлением, сегодня не актуально, потому что нет абсолютно никакого внешнего давления. Сейчас есть «внутреннее давление». Я говорю о центробежных силах: люди либо не находят мотивации прийти в храм, либо из храма по каким-то причинам уходят. А бывает

Архимандрит Борис (Холчев), владыка Герман (Тимофеев), протоиерей Георгий Ивакин-Тревогин

и так, что людям «церковность» надоедает. Вот об этом нужно сказать откровенно, иначе без этих деталей картина жизни в нашей Церкви будет неполной.

Исповедничество сегодня уместно, наверное, на уровне работы с людьми в плане самоотдачи, самопожертвования, в том числе временем и силами. Естественно, архимандрит Борис является самым ярким ориентиром для тех, кто подвизается на этой стезе. Я по своему почину грешным делом рекомендую обращаться в молитвах к о. Борису, чтобы он ходатайствовал перед Господом о защите дела катехизации, упрасивал Всевышнего о помощи в собирании приходских общин. Ещё раз повторюсь, что если вдруг произойдёт канонизация архимандрита Бориса, то он будет небесным покровителем именно дела катехизации – в силу того, что когда-то именно этот исповеднический подвиг он нёс в своей жизни.

Исповедничество сегодня ещё необходимо, наверное, в контексте информационной войны, обрушившейся на Русскую Православную Церковь. Я когда-то пытался изложить мысли в виде статьи о том, что грядёт новое гонение на Церковь, но не физическое, а информационное (это было как раз незадолго до скандала с «танцовщицами» в храме Христа Спасителя). Все действительные и несуществующие грехи иерархии, духовенства, какие-то издержки внутренней церковной жизни будут поданы людям гипертрофированно в общедоступных СМИ. И никто уже не будет расстреливать попов, но храмы будут стоять пустыми просто из-за того, что Церковь ошельмовали.

Нам нужно, наверное, готовиться к такому исповедничеству веры, когда в нас могут тыкать пальцем, насмехаться. Возможно, что возродятся и информационные нападки в духе 1920–1930-х годов. Но это, скорее всего, будет в России, не здесь. Нужно отметить социологическую закономерность, согласно которой все «модные тенденции» церковной жизни приходят к нам из России через четыре-семь лет. Это отставание я прослеживаю очень четко на примере так называемых «ИННщиков», «царебожников» и прочих. Пока пик этой информационной волны сюда доходит, пока не придут или не созреют здесь идейные агитаторы, сама волна уже угасает. «Географически» она гаснет где-то на территории Казахстана, далее идут районы, менее населённые православными, и на территории Узбекистана, я думаю, все это может пройти только мелкой рябью. Здесь – однозначный жёсткий курс на стабильность и на религиозную толерантность. И я думаю, что мы здесь можем быть спокойны – по крайней мере в отношении стабильности внутренней жизни нашей епархии.

В России эти процессы идут уже активно. Смерть отца Павла Адельгейма свидетельствует о том, что в наше время, как и в советское, Церковь держится на исповедниках веры.

Да. Кровь мучеников всегда являлась основой Церкви.

Когда мы говорим о традиции, возникает мысль, что, наверное, неслучайно именно в Ташкентской епархии сегодня происходит оглашение, причём так активно.

Всё упирается в личность иерарха. Мы глубоко благодарны нашему владыке – митрополиту Ташкентскому и Узбекистанскому Викентию, что он ввёл обязательное оглашение. Прошлый управляющий епархией, митрополит Владимир, тоже давал широкие полномочия, но, видно, сказывалась некая инерция в восприятии церковной жизни. Он благословил, например, проводить огласительные беседы, но оглашения по всем храмам епархии не было. Может быть, опыта не было, может быть, он стремился избежать всплеска возмущения со стороны прихожан...

Владыка Викентий когда-

Окончание на с. 6

Каким может быть сегодня подвиг стояния в вере

Начало на с. 1,5

то сумел реализовать идею о возвращении к практике оглашения в Екатеринбургской епархии, и опыт противодействия этому возмущению у него уже был. Когда мы начали высказывать владыке опасения по поводу возможных «бурь», он нас успокоил, сказав, что все возмущения быстро сойдут на нет, – и действительно, резкое отторжение предкрещального оглашения быстро утихло. Для меня показателен один пример, когда на одной из огласительных встреч, где сидело порядка пятидесяти человек, вошла пожилая женщина из серии тех, которые привыкли «брать горлом». Посыпались стандартные упрёки о том, что мы людей отталкиваем от Церкви. Бабушка просто хотела побыстрее крестить своего внука. Когда она начала скандалить, вдруг вся аудитория – не священник, который проводил беседу, а именно слушатели – буквально накинудили на неё, эмоционально уговаривая её замолчать и послушать. Возмущение бабушки было мгновенно подавлено – она потеряла дар слова от удивления. А ведь ожидала она безусловной поддержки. Так и не могла она тогда понять – как и чем смогли «попы» так околдовать людей.

Прошло время, и некоторые священники, которые сначала с недоверием относились к этому начинанию, затем поняли его преимущества. Пусть надо работать над собой, надо жертвовать временем, силами и средствами, зато храмы от этого начинания стали заметно наполняться. Это факт, которого не отнимешь. Я бы не сказал, что динамика очень стабильна и идёт повышение на определённый процент в месяц. Если рассматривать с точки зрения математики, то здесь лучше, наверное, применять функцию экспоненты, где график медленно-медленно нарастает, потом происходит какой-то взрывной скачок, но до этой точки надо всё-таки довести. Мы должны, не опуская рук, постоянно работать с людьми, не снижать интенсивность просветительского служения. И тогда обязательно произойдёт диалектический скачок из количества в качество.

Кто-нибудь сейчас занимается наследием о. Бориса? И как обстоят дела с вопросом канонизации?

Сейчас материалы по канонизации архимандрита Бориса собирает община нашего храма св. Александра Невского на Боткинском кладбище. Материалы, заслуживающие внимания, мы публикуем в нашем храмовом вестнике «Воскресение». Материалы аккумулируются в епархиальном отделе по канонизации.

В деле архимандрита Бориса (Холчева) есть главный фактор, препятствующий канонизации, – отсутствие материалов из архивов КГБ. Согласно новым правилам, канонизация возможна, если в этих документах не будет поводов к обвинению кандидата в малодушии. Мы обращались официально в архивы КГБ республики, и нам ответили, несколько объективно, что сведений не имеется. В Российских архивах есть несколько незначительных протоколов допросов. Канонизация о. Бориса на этом этапе пока приостановилась, но может статься, что в какой-то момент через многочисленные чудеса и исцеления Господь начнет подталкивать нас к скорейшей канонизации о. Бориса.

Каково Ваше мнение о новых требованиях к процедуре канонизации в Русской Православной Церкви, и в частности требования наличия данных из архивов ЧК–ГПУ–НКВД–КГБ из следственных дел? Насколько, на Ваш взгляд, это обосновано?

Я думаю, это всё-таки обоснованно. Нет человека без греха, кроме Господа. Мы знаем многих, которые имеют в людях славу подвижников во имя Христово. И эти люди имеют тёмные пятна в своей биографии. Нам невозможно понять и представить, каким чудовищным по силе моральным и физическим попыткам подвергали людей в застенках того же ЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. Нам невозможно понять, какие моральные страдания они испытывали и возможно ли вообще было в этих условиях не сломаться. Я выдвинул бы такой критерий – если человек прошёл застенки КГБ и там сломался, но потом *публично покаялся*, а дальнейшая его жизнь была наполнена подвигом благочестия, – то этот человек достоин канонизации. Известно достаточно много житий святых, где подвижники, даже отмеченные благодатью, вдруг впадали в тяжелейшие грехи. Но затем они каялись и возвращались к святости. Почему бы этот принцип не перенять в наше время? Да, присутствовали факты греха и малодушия в жизни, но человек открыто их исповедовал, не стараясь скрывать своего позора. Этот подвиг покаяния искупает всё прошедшее. И дальнейшая подвижническая жизнь, особая одарённость, отмеченность со стороны Господа, я думаю, способны стать закономерными поводами к канонизации этого человека.

Беседовала Ольга Борисова

«Основная мысль Бога есть мысль

2 декабря в конференц-зале гостиницы «Даниловская» состоялся Актный день Свято-Филаретовского института

Научная деятельность института была отмечена расширением партнёрских и дружеских отношений с другими вузами и синодальными отделами Русской православной церкви.

Важными событиями стали VII научно-практическая конференция СФИ «Традиция святоотеческой катехизации: основной этап», конференция «Равнина русская. Опыт духовного сопротивления», проведённая совместно с Преображенским братством, Московским государственным областным социально-гуманитарным институтом и тверским филиалом РГГУ при поддержке Синодального отдела Московского патриархата по взаимоотношениям церкви и общества. Институт провёл ряд конференций в сотрудничестве с ведущими специалистами в разных областях: «Богословие и физика», «Историческое и экклезиологическое значение «второго восстановления патриаршества» в РПЦ», «Идея синергии в истории религий» (в сотрудничестве с РПУ св. Иоанна Богослова). Также проректор СФИ рассказал об итогах учебной работы в минувшем году.

С традиционной актовой речью выступил ректор института профессор священник Георгий Кочетков. Его выступление (значительную его часть мы публи-

куем ниже) было посвящено введению в проблемы христианской антропологии.

Отец Георгий напомнил, что о человеке и межчеловеческих отношениях говорится очень много на всех этапах оглашения, начиная с первого. На втором этапе эта тематика особенно важна в темах о сотворении человека, о грехопадении и постепенном восстановлении человека пред лицом Божиим, прежде всего с помощью веры, надежды и закона, а потом через благодать и истину Христовы и через святое собрание Его Церкви как центра человеческого общения и служения. На третьем этапе антропологических вопросов более всего касаются в так называемых догматических темах, особенно в темах по христологии, пневматологии и экклезиологии. Включает таинствоведство и тему о человеке и межчеловеческих отношениях, но уже не со стороны Бога, а со стороны самого человека, и значит, не со стороны христианской теологии, а со стороны христианской антропологии. Содержанию этой темы и был во многом посвящен доклад.

По сообщению Информационной службы СФИ

Из доклада профессора священника Георгия Кочеткова «Христианская личная и межличная антропология. Общее введение», прочитанного на Актном дне Свято-Филаретовского института

«...» 2. Всё христианство христоцентрично, поэтому оно и тео-, и антропоцентрично. Есть тео- и антроподицея – оправдание существования Бога и человека. Есть различие антропологии Ветхого и Нового заветов.

Главное для нас – Тайна и таинство жизни человека в Боге и в себе, в Церкви и мире.

Христианская антропология – «жизненный догмат о человеке» (Н.А. Бердяев).

Но что такое **христианская антропология**? Это христианское **учение о человеке**, т. е. это определённое откровение и соответствующее представление человека о себе и своей жизни, о своём происхождении и сотворении Богом по Его образу и подобию, о своём призвании и достоинстве и об отношении человека к Богу, ближним и миру. Жизнь человека при этом не мыслится без его веры и молитвы. Вместе с тем для всякого человека, как и для Самого Бога, бесконечно нужен и важен «другой», без которого не может быть живой надежды и любви. Вспомним сказанное: «Нехорошо быть человеку одному» (Быт 2:18). Это применимо не только к жене. Этим «другим» может быть и иной человек, наш близкий или ближний, и даже наш Господь Бог. И тут выясняется, что человек удостоен существовать и жить в мире (даже если это «мир сей»), но не от мира сего.

Христианская антропология стоит на той вере и том убеждении, что только Христос принёс нам откровение о человеческой личности, которая всегда характеризуется качествами богоподобия, целостности, многообразия, любви, свободы и творчества, которая всегда уникальна, единична и универсальна. Этим оправ-

дывается для всех как существование Человека, так и существование Самого Бога, т. е. этим осуществляется как тео-, так и антроподицея.

Христианство всегда было, есть и будет христоцентрично, а поскольку Христос – совершенный Бог и совершенный Человек, христианство всегда было и будет тео- и антропоцентрично. Оно само есть постепенное приобщение к полноте веры в Бога и Человека и к полноте любви к Ним. Поэтому главное для нас в христианстве – это призыв «возлюби Бога» и «возлюби ближнего», это Тайна и таинство жизни человека в Боге и в себе, в Церкви и в мире.

Как Сам Иисус Христос, так и христианство сделали необычайно много для познания Тайны Человека. И в то же время предстоит сделать ещё больше. В последние века человек часто ставился в центре общечеловеческого интереса в сфере познания. Всё это время от этого зависели реальные пути Богопознания и познания мира, пути раскрытия новых даров и сил в Церкви и обществе. Познание человека («себя») и в это время связывалось с познанием Христа, а познание Христа – с познанием Бога как Небесного Отца и действия Его Святого Духа. Предполагается, что **«центральной темой богословия в XXI веке [также] будет антропология»¹.**

Человек всегда был и оставался **«мерой всех вещей»** (Протагор). И сейчас остаётся актуальным призыв, прозвучавший от св. Феофила Антиохийского ещё во второй половине II века: **«Покажи мне твоего человека** [т. е. своего внутреннего человека, себя как истинного человека], **и я покажу тебе моего** [истинного] **Бога»².** Это вполне гармонирует с другими

о человеке»

Начало на с. 1

важнейшими высказываниями выдающихся греческих христианских авторов того же времени: автора «Послания к Диогнету» (возможно, Пантена, основателя Александрийской школы катехетов, т. е. катехизаторов), св. Иринея Лионского и св. Мелитона Сардийского. Святитель Ириней писал: **«Бог стал Сыном Человеческим, чтобы человек стал сыном Божиим»**³. Святитель Мелитон радостно развивал, по выражению Павла Евдокимова⁴, нисходящий и восходящий метод познания «по образу» – **«антропологию Бога»** и **«богословие человека»**. В «Слове о Пасхе» (п. 7) он ещё до св. Иринея писал:

«И Закон стал [живущим с нами] **Словом**, и ветхий [т. е. старый Завет] **Новым**, снизойдя из Сиона и Иерусалима, и **заповедь – Благодатью** [т. е. Милостью], и **образ – [самой] Истиной**, и [пасхальный] агнец – Сыном, и овца [святого стада Божьего] – Человеком, и **человек – [по дару Любви] Богом»**. (Пер. А.Г. Дунаева. Пояснительные вставки, выделения и заглавные буквы мои – ОГК)

Как здесь не вспомнить слова Писания: **«Я сказал: вы – боги!»** (Пс 81:6), и то, как трактовал их Христос: **«Закон назвал богами тех, к которым было слово Божие»** (Ин 10:34–35).

А в «Послании к Диогнету» среди прочего о христианах говорится (п. 5–6): «Христиане не отличаются от других людей **ни странюю, ни языком, ни житейскими обычаями**. Они не населяют где-либо особых городов, не употребляют какого-либо необыкновенного наречия и ведут жизнь, ни в чём не отличную от других. Только их учение не есть плод мысли или изобретение людей, ищущих новизны. Они **не привержены к какому-либо учению человеческого, как другие**. Но обитая в эллинских и варварских городах – где кому досталось – и следуя обычаям тех жителей в одежде, пище и во всём другом, они представляют удивительный и поистине невероятный образ жизни. Живут они в своём отечестве, но как пришельцы; участвуют во всём, как граждане, но всё терпят, как чужестранцы. Для них **всякая чужая страна есть отечество и всякое отечество – чужая страна**. Они вступают в брак, как и все, рождают детей, но только не бросают их. У них **общая трапеза, но не общее ложе**. Они **во плоти**, но живут **не по плоти** (см. 2 Кор 10:3; Рим 8:12). Находятся **на земле**, но суть **граждане небесные** (см. Фил 3:18–20). **Повинуются постановленным законам**, но своею жизнью **превосходят самые законы**. Они **любят всех**, но **всеми бывают преследуемы**. Их **не знают, но осуждают**. Их умерщвляют, но они животворятся. Они **бедны, но всех обогащают**. Всего лишены, и во всём изобилуют (см. 2 Кор 6:9–10). Бесчестят их, но они тем прославляются (1 Кор 4:10). На них **клеветают**, но они **оказываются правыми**. Их **злословят**, а они **благословляют** (1 Кор 4:12); за оскорбления они воздают почтение; они делают добро, но их наказывают, как злодеев; они радуются наказаниям (2 Кор 6:10), как будто бы им давали жизнь. **Иудеи воюют против них**, как против иноплеменников, **язычники их преследуют**, но **враги их не могут сказать, за что их ненавидят**.

Одним словом, **их в теле душа, то в мире христиане»** (Выделено мною – ОГК).

Конечно, приходится признать, что с тех пор за две тысячи лет всё сильно изменилось: изменился и мир, и вообще человек и его отношения с Богом, даже его подход к пониманию этих взаимоотношений. Не однажды за это время менялись и сами христиане, а надо думать, что они будут меняться и в дальнейшем, а *как* – это в известной степени не может не зависеть и от нас.

Вот что писал об этом в своей замечательной книге «Философия свободного духа» Н.А. Бердяев:

«Основная мысль человека есть мысль о Боге. Основная мысль Бога есть мысль о человеке. Бог есть тема человеческая, человек же есть божественная тема. **Бог тоскует по Своем “другом”,** по предмету Своей бесконечной Любви, ждёт ответа на Свой божественный зов. Бесконечная Любовь не может существовать без любимого и любящего. Рождение человека в Боге есть ответ на Божью тоску. Это есть движение **от человека к Богу»**⁵ (Подчеркнуто мною – ОГК).

«В мире происходит двойственный процесс, **процесс демократизации и процесс аристократизации души»**⁶.

«Мера, гармония, красота, пластичность формы [древних] греков были утеряны в христианском мире. **Многое развилось, раскрылось, а другое закрылось и регрессировало**. Некоторые древние знания были утеряны, а наряду с этим развились новые знания, неведомые древним.

Многие способности древних людей утеряны как будто бы навеки. Человек новых времён стал менее вынослив, менее мужественен, более боязлив, чем люди

Микеланджело Буонаротти. Сотворение Адама. 1508–1512. Фрагмент фрески плафона Сикстинской капеллы в Ватикане

прежних эпох. Это есть очень сложный процесс...»⁷.

«Прогресс социальный сопровождается биологически-антропологическим регрессом»⁸.

«Действительно народилась новая душа, требующая **большей сострадательности** ко всему живому, **большей мягкости**. Новые чувства развились. Современные, новые христиане с трудом уже мирятся с верой в ад и в вечные адские муки. <...> По сравнению с прежними эпохами современная душа стала **менее цельной**, [стала более] **раздвоенной**, познавшей противоположности, [более] **маловойрной**, более **слабой** и нередко более **поверхностной»**⁹.

«Новую душу уже трудно чем-либо испугать – она **прошла через предельные соблазны человекобожества**, через религию **гуманизма**, через марксизм, через **нищезанство, социализм и анархизм**, через **эстетизм и оккультизм»**¹⁰.

«Человек ввергнут в мир, в судьбу человечества, [он] должен принять на себя **ответственность за всех**, [он] должен **работать в мире для преображения мира**. И **благодать Божья действует внутри свободы человека**, изнутри её преображает»¹¹.

Итак, должно быть обновление веры в Бога и Человека и должно быть новое открытие и откровение истины о Боге и Человеке, хотя Сами Они сейчас являющиеся и навсегда останутся Тайной. Человек есть внутренняя Тайна, но, как это ни парадоксально, Тайна открытая, ибо есть и откровение этой Тайны. Кроме того, человек по природе своей открывается навстречу Вечному. По верному замечанию Оливье Клемана, и мы, **если хотим познать человека, то сами должны быть открыты**, т. е. должны верить в Бога и Человека и давать Им авансы любви и доверия¹².

Но не всё так безоблачно в сфере христианской антропологии. Поныне христианская антропология остаётся недостаточно развитой как теоретически, так и практически. Хотя в нашей церкви есть Халкидонский догмат о единстве божественной и человеческой природ в лице Иисуса Христа, в ней нет особенного литургического таинства человека (правда, косвенно такими таинствами можно было бы признать таинства аскетического покаяния и личного елеосвящения, таинства земного брака и поставления на иерархические служения в церкви), нет и особенного догмата о человеке.

Далее нам необходимо учесть, что **христианская антропология всегда должна быть связана с законами Церкви, её веры, молитвы и жизни**. Как правильно заметил В.М. Лурье в своём послесловии к его новому переводу фундаментального труда св. Григория Нисского «Об устройении человека»: «Разномыслие в области антропологии... обуславливало выбор той или другой молитвенной и аскетической практики»¹³. Христианство всегда крепко связывает веру в Бога и в человека, но не забудем, что оно при этом предупреждает, что эта вера не должна пониматься и толковаться как вера человека лишь себе и в самого себя.

Нельзя не отметить и некоторого схождения в самих методах познания и изъяснения веры в Бога и человека: и при рассмотрении вопросов антропологии бывает вполне уместен **апофатический подход**, как и использование **языка символов**. Оливье Клеман говорил, что «наряду с отрицательным, апофатическим богословием существует и отрицательная антропология, когда надо превозмочь все условия, чтобы проникнуть в тайну человеческой личности»¹⁴. На особом значении символического языка в раскрытии тайны человека и его единства с Богом через божественные энергии настаивал архим. Киприан (Керн).

В наше время можно определённо сказать, что истина о человеке откроется через образы и символы человеческого «лица» (т. е. онтологической ипостаси) и через человеческую личность, т. е. через истину **личной и личностной антропологии**. Но до сих пор нет гармоничного сочетания между богословием и этой антропологией. В православной среде обычным считается выражение типа «истина человека постигается через откровение истины о Боге», ибо всякий «человек тоже существует как личность [вернее, надо было бы

сказать: как онтологическое «лицо»], хотя и обладает тварной природой»¹⁵. Или у того же автора: «Даже после грехопадения человек остаётся личностным [вернее, личным] существом, логической [точнее, логистической] и психосоматической [??] ипостасью»¹⁶. Здесь происходит явная путаница психосоматического лица, онтологической ипостаси и духовной личности, логического и логоистического и т. д. Также много проблем остается и в области христианской **межличной и межличностной антропологии**. Необходимо разобратсья во всех этих проблемах, и это дело не будущего, а настоящего времени.

3. Есть разные типы философской (богословской) антропологии: индивидуальная и коллективная, личная и межличная, а также личностная и межличностная (соборная).

Нам представляется, что кроме мирской индивидуальной и коллективной антропологии целесообразно выделять **четыре типа христианской** (богословской или философской) **антропологии:** личная и межличная, личностная и межличностная, или соборная. Нам более доступна первая и вторая, и поэтому мы будем больше концентрировать своё внимание на них.

4. Мы можем в мистагогии дать только основные понятия христианской антропологии. Они будут описывать в первую очередь закон жизни Церкви (после уже описанного нами закона её веры и молитвы).

Конечно, на уровне церковной мистагогии мы можем давать только **основные понятия** христианской антропологии, которые, как уже говорилось, будут описывать в первую очередь «закон жизни» верующего христианина и Церкви (после уже описанного в других темах таинствоводства её «закона веры» и «закона молитвы»). При этом будем помнить, что цель всей мистагогии – помочь сделать веру, молитву и жизнь человека и Церкви более действительными и действенными. Для этого вся духовная жизнь человека и Церкви должна быть устроена правильно и истинно, вполне по-Божески и по-человечески, т. е. благодатно и богочеловечно, что и требуется нам уяснить.

В своей дальнейшей работе мы будем учитывать достижения (и ошибки) современной научной и богословской антропологии, а также все её традиционные темы: в чём состоит существо человека, в чём – греховность человека и его спасение от рабства веку и миру сему и в чём – его освящение через причастность «силам будущего века» (Евр 6:5).

5. Вся христианская антропология – это своего рода итог всего христианского научения.

Вся христианская антропология – это не только разговор об устройении человека, в том числе о его составе и онтологии, т. е. о его сущности (природе) и ипостаси, а также о субъективной сотериологии, это ещё и разговор об аскетике и мистике преображения и обожения и ещё о той части эсхатологии, которая находится в пределах земной жизни человека, общества и Церкви. Таким образом мы по сути приходим к завершению всего христианского научения, подводим всему итог.

Полностью доклад опубликован на личном сайте священника Георгия Кочеткова <http://www.oGKochetkov.ru/>

¹ См., например, одноимённое интервью митр. Каллиста (Уэра) газете «Lumina» 2 окт. 2011 г. «Subiectul central al teologiei secolului al XXI-lea va fi antropologia».

² Феофил Антиохийский, свт. Послание к Автолику. Кн. 1, § 2.

³ Ириней Лионский, свт. Против ересей. Кн. 3, С. 241.

⁴ Евдокимов П.Н. Православие. М., 1999. С. 85–87.

⁵ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 133–134.

⁶ Там же. С. 156.

⁷ Там же. С. 197.

⁸ Там же. С. 203.

⁹ Там же. С. 204.

¹⁰ Там же. С. 205.

¹¹ Там же. С. 206.

¹² См.: Клеман О. Личность по учению русских философов XIX–XX вв. Православная община. 1992. № 6. С. 57.

¹³ Григорий Нисский, свт. Об устройении человека. СПб, 1995. С. 152.

¹⁴ Клеман О. Тема личности у греческих отцов церкви. Православная община. 1992. № 5. С. 49.

¹⁵ См., напр.: Яннарас Х. Вера Церкви. Введение в православное богословие. М., 1992. С. 95.

¹⁶ Там же. С. 88.

«Покаяние ведет к восстановлению человечности в нас»

Исполнилось 30 лет со дня кончины протопресвитера Александра Шмемана

Размышляя о трудности воплощения евангельской максимы «в мире сем, но не от мира сего», о том, что обыденная церковная жизнь подчинилась «веку сему», о. Александр Шмеман отмечал, что, страдая от этого неперестанного поражения, христиане ищут выход (если ищут), но находят его не в том: преимущественно или в разрыве с миром (фундаментализм, сектанство, «византизм», индивидуальное благочестие и т. п.), или в приспособленчестве к миру (модернизм и т. п.). Сам же он указывал – в качестве единственного выхода – свой любимый эсхатологизм. Но в том-то и проблема, что эсхатологизм должен иметь историческое воплощение в некоей норме (которая связана, питается эсхатологическим идеалом). В его конкретной лично-личностной жизни эта норма, возможно, и нащупывалась, но, увы, она была слишком уникально-индивидуальной. Поэтому-то он и мучился неперестанно от того, что образ этой нормы, этого жительства, имеет внутри, но как бы не в силах им поделиться...

Богословское творчество протопресвитера Александра Шмемана имеет характер одновременно внутрицерковной и внешней миссии, миссии покаяния. Начиная с его первой работы «Исторический путь православия» и заканчивая последним докладом, произнесённым в Торонто в 1983 году, о. Александр пытается вернуть нас к подлинному смыслу жизни Церкви в её таинственном и эсхатологическом измерении.

Таинство покаяния стало восприниматься как индивидуальное событие в жизни человека. В ранней церкви оно понималось как примирение и воссоединение с Церковью

В своем докладе «Миссия Церкви в современном мире» о. Георгий Кочетков говорит о том, что тема миссии Церкви была главной темой жизни о. Александра наряду с темой евхаристического возрождения. Следующие слова из «Дневников» о. Александра наиболее полно отражают его миссионерское призвание в этом мире: «Это, может быть, самое страшное в современном

Православии: слова ни к чему не обязывают, они – часть ритуала. И причина этому проста: Православие отказалось признать факт крушения и распада православного мира. Решило жить в его иллюзии, больше того – в эту иллюзию превратило Церковь, её сделало существованием несуществующего мира. И у меня всё сильнее чувство, что “остаток дней” я должен был бы посвятить на то, чтобы именно эту иллюзию вскрыть»¹.

Для о. Александра Церковь есть миссионерская община, цель которой – спасение мира, а не от мира. Она – Таинство Христа, новая жизнь и искупление всей жизни, всего бытия человека. Новая же жизнь возможна только тогда, когда есть вера в обожение человека, исполнение его истинного предназначения, что невозможно без покаяния.

Особый язык, характер и модальность проповеди о. Александра заставляют человека задуматься над тем, кто он есть, для чего живёт, в чём смысл его жизни и в чём его призвание. «Покайтесь означает: взгляните на свою жизнь со стороны, углубитесь в тайный её смысл, спросите себя: для чего мы живём, в чём последняя радость и полнота нашего существования?»²

Таинство покаяния теряет в современном мире свою эсхатологичность. За религиозностью и обрядоверием не происходит возврата человека в возделенное Царство, в «жизнь будущего века»

«Раскаяние невозможно в нашем мире потому, что ушёл из него нравственный закон, различение добра и зла»³.

«Современный человек почти не знает уже, что такое раскаяние, или покаяние. Не знает, потому что его научили видеть источник всего нехорошего, всякого зла не в себе самом, а вовне – в чём-то безличном, по отношению к чему сам он всегда только жертва»⁴.

Проповедуя на место из Лк 3:10–14 о призыве Иоанна Крестителя, о. Александр говорит о двух видах покаяния. Первое, к которому призваны в том числе и неверующие люди, есть призыв к совести. Ибо, как пишет о. Александр, совесть знает, что хорошо и что плохо в нашей жизни, различает добро и зло и таким образом помогает отказаться от зла, вернуться к нравственной правде, к нравственному закону. Первое покаяние он называет предварительным. Сущность его – в отречении от засоряющей душу и затемняющей жизнь очевидного зла. Второе покаяние возможно только благодаря Христу. Покаяние – прозрение: «Не видели – и вот увидели. Не знали – и вот познали... Обратите свой внутренний взор, своё сознание на то, что явлено вам, и, увидев, перемените всю жизнь»⁵.

В наши дни таинство покаяния стало восприниматься как индивидуальное событие в жизни человека. В ранней церкви оно понималось как примирение и воссоединение с Церковью отлучённых от собрания народа Божьего, от Евхаристии как таинства собрания. Грех создавался прежде всего как измена «новой жизни», выпадение из неё. Постепенно из таинства примирения практика покаяния стала регулярным таинством для членов Церкви с целью отпущения грехов: «...богословски подчёркиваться в нём стало не покаяние как путь возврата в Церковь, а отпущение грехов как власть Церкви»⁶.

Отец Александр отмечал и то, что таинство покаяния теряет в современ-

ном мире свою эсхатологичность. За религиозностью и обрядоверием не происходит возврата человека в возделенное Царство, в «жизнь будущего века». Действительно, сакраментальная редукция привела к индивидуализации таинственной жизни церкви, к такому восприятию всех её сторон, когда Благая Весть (проповедь о Христе и, мы бы сказали, проповедь покаяния) становится всего лишь историческим памятником и не требует воплощения в нашей жизни. Для современного христианина такое понимание Благой Вести стало нормой жизни, а что-то иное стало восприниматься как чуждое и «неправославное».

Подмена церковного значения таинств индивидуалистическим привело к торжеству индивидуального над личностным, коллективного над соборным, что, в свою очередь, явилось причиной неправильного понимания воли Божьей в отношении жизни церкви и её предназначения в этом мире. Церковь перестала воплощать соборность, в неё вошёл дух потребительства, неразличения приоритетов жизни; истина стала замещаться человеческими представлениями. Отец Александр называл это состояние «психологизацией».

Именно поэтому он говорил: «Лично я вообще бы отменил частную исповедь, кроме того случая, когда человек совершил очевидный и конкретный грех и исповедует его, а не свои настроения, сомнения, уныния и искушения»⁶.

Для о. Александра подлинная проповедь всегда о Христе, и всё это «снимается» только Христом, знанием о Нём, встречей с Ним, послушанием Ему, любовью к Нему.

В своих дневниках он нередко обличал верующих людей, живущих часто формальной религиозной жизнью, не стремящихся к возрождению церкви и пониманию её сути как Царства Небесного.

«Поразительно, как люди, “интересующиеся духовной жизнью”, не любят Христа и Евангелие. И понятно почему: там ничего не сказано о “духовной жизни”, как они её понимают и любят»⁷.

«Покайтесь означает: взгляните на свою жизнь со стороны, углубитесь в тайный ее смысл, спросите себя: для чего мы живем, в чем последняя радость и полнота нашего существования?»

Тема покаяния была центральной темой проповедей и бесед о. Александра Шмемана. Он хорошо понимал, что обретение смысла подлинного покаяния невозможно без возрождения церкви.

В то же время он понимал и то, что любое, даже самое незначительное изменение «внешней формы» и «религиозного чувства» приводит в нашей церкви к тревоге и раздражению. На пути преодоления институциональной инерции церкви, кризиса веры, с одной стороны, а с другой – предотвращения трансформации православия в секту, он видит две задачи:

1. Сохранить любой ценой то, что называется христианским «институтом». Это необходимо, по мнению о. Александра, для того, чтобы ультраконсерваторы не брали на себя роль церкви, принимая за неё решения и осуждая всех, кто не подходит под их критерии, и для того, чтобы ультралибералы окончательно не обесценили роль церкви как организации.

2. Должен сохраниться «остаток» верных, способных действовать в том мире, в котором мы живём сегодня. Под

этим остатком о. Александр понимал молодёжное движение – орден, который бы мог совершать свою миссию за пределами неизменных границ «организации», не умаляя ее значения, но восполняя то, что организация не может сделать без поддержки.

Размышляя о таком движении, о. Александр представлял его в виде новой формы монашества, без celibата и без ухода в пустыню, основанного на конкретных обетах:

1. *Молитва*. Первый обет – придерживаться в жизни определённой духовной дисциплины, а именно – правила молитвы: попытки поддерживать уровень личной связи с Богом, то, что Отцы называют «памятованием» о Нём.

2. *Послушание*. Послушание самому движению, так как движение должно знать, на кого оно может рассчитывать.

3. *Принятие*. Третий обет – принять или, может быть, даже понять намерения Бога в отношении себя.

Отец Александр особо оговаривал задачи такого движения и его миссию.

Первая задача – помочь людям, и в первую очередь самим членам движения, понять и «жить» их православную веру. Вторая задача – интеллектуальная. Христианин должен интересоваться содержанием своей веры и её значением для всей жизни. Третья задача состоит в том, чтобы заботиться о нуждах церкви, о которых епархия или приход по разным причинам не заботятся. Конечно, уже сейчас мы можем сказать, что, к сожалению, предложения о. Александра в отношении новообращённых и уже воцерковлённых людей не достигают цели, которой сам он хотел бы достичь для преодоления церковного кризиса в этом вопросе. Даже его программа по воцерковлению прихода (1964 год) не может быть воплощена. Это видно из его дневниковых записей (1982 год), где он всё больше и больше разочаровывается в приходской системе как неспособной осуществить возрождение церкви в ее полноте. По его мнению, церковь не могла не воплотиться в приход-организацию, и это стало трагедией для церкви.

Подводя итог, можно сказать: о. Александр искал различные пути возрождения церкви в их едином действии, не теряя соборности и избегая ухода в крайности. Смысл возрождения он видел прежде всего в воцерковлении человека и возрождении его личности, что, в свою очередь, невозможно без покаяния.

«В сердцевине истинного покаяния лежит тот высокий замысел о человеке, который отвергается и оплёвывается бесчеловечной идеологией, царящей в нашей стране. “Даруй ми зрети моя прегрешения...” Не чужие, а мои, и значит – дай мне увидеть самого себя в том свете, в той правде и той любви, для которых я создан! Так покаяние ведёт к восстановлению человечности в нас»⁸.

Из доклада Олега Ермолаева (Тверь) «Проповедь покаяния как часть миссии Церкви в Русском Зарубежье второй половины XX века», прочитанного в Свято-Филаретовском институте на семинаре по курсу «Проблемы миссиологии, катехетики, гомилетики»

¹ Шмеман Александр, протопр. Дневники. 1973–1983. М.: Русский путь, 2005. С. 377.

² Шмеман Александр, протопр. Беседы на радио «Свобода»: В 2 т. Т. 1. М.: ПСТГУ, 2009. С. 165.

³ Шмеман Александр, протопр. Беседы на радио «Свобода»: В 2 т. Т. 2. С. 13.

⁴ Шмеман Александр, протопр. Об исповеди // Перед исповедью и причастием: В помощь новоцерковленным: сборник статей. Издание 3-е, исправленное. М.: СФИ, 2007. С. 67–81.

⁵ Шмеман Александр, протопр. Беседы на радио «Свобода»: В 2 т. Т. 2. С. 15.

⁶ Шмеман Александр, протопр. Дневники. С. 35.

⁷ Там же.

⁸ Шмеман Александр, протопр. Беседы на радио «Свобода»: В 2 т. Т. 1. С. 244.

Ежедневное чтение Писания должно стать привычкой

Начало на с 1, 3 основного номера

Может ли Бог уместиться в нескольких словах?

В третий день работы конференции участники секции «Переводы Библии» говорили о том, какими критериями при работе должен пользоваться православный переводчик. Должны ли они отличаться, когда речь идет о некоем универсальном переводе «для всех», или о переводе для конкретной аудитории, или для специфической области применения, например, в богослужении?

Известный библеист, представитель Объединения библейских обществ Англии Симон Крипс перечислил три критерия, которыми, с его точки зрения, должен обладать православный перевод Библии: открытость к трансцендентному (иконичность), авторитетность, то есть соотнесенность с основными святоотеческими толкованиями, и обращенность к культурному наследию того народа, которому он предназначен. Особым образом Симон Крипс отметил использование Писания за богослужением, потому что в православии, в отличие от других конфессий, чаще всего люди слышат текст Библии именно там. Господин Крипс заметил, что в России вообще существует нетипичная ситуация, когда для богослужения и для домашнего чтения используются не разные переводы, а вообще два разных языка.

Ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, консультант Института перевода Библии Андрей Десницкий в своем выступлении вспомнил слова академика Сергея Аверинцева о том, что «речения Основателя христианства были, можно сказать, изначально восприняты католической Церковью в переводе; уже оригинал Евангелий стоит под знаком перевода с одного языка на другой в лингвистическом смысле этих слов, но так же и с одного «языка культуры» на другой...» А сама Церковь началась с Пятидесятницы, когда был преодолен языковой барьер, возникший ещё при Вавилонском столпотворении, и было восстановлено свободное общение между людьми. Андрей Десницкий говорил о том, что не случайно, когда Моисей спрашивает имя Бога, Тот не даёт ему никакого набора звуков, который можно было бы соотнести с Ним. Слова «Я тот, кто Я есть» – скорее передают актуальное присутствие, чем называют Бога по имени. Потому что тогда надо было бы признать, что Господь обитает именно

в раз и навсегда написанных словах. Но Он намного больше любых слов.

Проповедь христианства среди нового народа обычно начиналась с перевода Писания на язык этого народа, и этот перевод должен постоянно совершенствоваться, учитывая последние научные и богословские открытия.

Именно особое обращение к богословию, по мнению Андрея Десницкого, должно стать отличительной особенностью работы современного переводчика, который раньше в большей мере опирался на лингвистику и культурологию.

Что это значит в конкретной работе, Андрей Сергеевич разъяснил в комментарии «Кифе»:

«Интересно, что без обращения к теории критерии оценки перевода сводятся к понятиям “мне нравится” или “мне не нравится”. То есть это какие-то очень субъективные критерии, которые невозможно ни формализовать, ни описать, ни объяснить никак, кроме как своим личным интересом. Один из таких практических примеров сегодня прозвучал в моём докладе: как можно перевести “Сын Божий”? Есть точка зрения, что “Сын Божий” – это просто метафора, такая же, как, например, “десница Божья”, и если кто-то не понимает слова “десница”, давайте переведем его как “сила Божия”, а если кого-то, например, мусульман, смущает понятие “Сын Божий”, давайте его переведем “возлюбленный” или “избранный”. Но все христиане читают Символ веры и знают, что с богословской точки зрения Сын – важнейшее понятие и отказать от него нельзя, не отказавшись от христианской догматики. Почему это так – не ясно ни из лингвистики, ни из культурологии. Это ясно только из богословия.

Такие вещи должны получить своё обоснование, потому что иначе мы обречены на две крайности: либо переводчик пускается в безбрежное плавание в отрыве от всякого богословия, либо, наоборот, уходит в сугубый фундаментализм, который почему-то называется православным, где ничего нельзя трогать, всё можно только воспроизводить и повторять. Я слышал такие высказывания: знаете, переводы Библии нужны, но они должны быть такими же, как Синодальный».

Последним прозвучал доклад переводчика Ленарта де Рехта «Переводческие свойства новой русской Библии

(РБО) 2011», который приоткрыл «лабораторию переводчика», показав, как можно расставлять акценты в Писании, не прибегая к замене лексики. В частности, Ленарт де Рехт показал, какую роль в восприятии текста играет сегментация текста, то есть разбивка на стихи и абзацы.

Итоги состоявшихся дискуссий

Итоги были подведены на заключительном пленарном заседании под председательством **Святейшего Патриарха Кирилла**.

Высоко оценив в целом уровень работы форума, председатель внёс вместе с тем ряд критических замечаний. В частности, он выразил убеждение, что дальнейшая работа над русским текстом Писания может осуществляться только в русле кирилло-мефодиевской традиции, что делает актуальной задачу критического издания славянской Библии. Патриарх призвал продолжить работу в этом направлении, начатую ещё в 70-х годах прошлого века при его непосредственном участии (в ту пору он был ректором Ленинградских духовных школ) профессорами А.А. Алексеевым и Е.М. Верещагиным: «Можем ли мы вообще говорить о современном русском переводе в полном отрыве от кирилло-мефодиевской библейской традиции, которая является частью нашего культурного и духовного наследия? Чтобы сделать полноценный перевод на русский язык, нам нужно глубоко изучить кирилло-мефодиевскую традицию, а для этого необходимо свести воедино множество версий и выпустить критическое издание славянского текста Библии. Мы всё время говорим о важности славянского текста, но у нас до сих пор нет критического издания. Действительно, это дело сложное, требующее больших интеллектуальных усилий, большого количества учёных высокой квалификации, но сегодня это сделать гораздо проще, чем сорок лет назад».

Патриарх отметил также, что Синодальный перевод, несмотря на многочисленные недостатки, по-прежнему остаётся доступным и понятным для любого носителя русского языка, и подчеркнул важность сохранения преемственности в ходе работы над новой русской Библией: «Все прекрасно понимают Синодальный перевод. Есть некие неточности и ошибки, которые стоило бы поправить с точки зрения современных знаний и современной стилистики,

Ежедневное чтение Писания должно стать привычкой

но ни в коем случае нельзя создавать новую версию, перечёркивая при этом значение самого Синодального перевода. Мы должны сохранить разумный баланс между традицией и современной лексикой, современной стилистикой с тем, чтобы не вульгаризировать текст, чтобы сохранить его возвышенную тональность».

Комментируя итоги круглого стола «Шестоднев и его контекст», патриарх отметил, что для православной традиции неприемлемы как крайние формы креационизма, так и попытки увидеть в библейском рассказе подтверждения теории эволюции: «Глубоко убеждён, что неправы учёные и неправы богословы, которые стоят на позициях буквального прочтения священного текста. Для меня книга Бытия и особенно Шестоднев – это зашифрованное послание вышше, и всякие попытки его расшифровать сейчас очень условны. Мы должны с доверием отнестись к тому, что это слово Божие. А дальше могут произойти самые неожиданные события, и невозможно исключить, что

очень многое из того, что нам сегодня не понять, в какой-то момент нам откроется».

«Как воспринимать библейский текст? Его нужно воспринимать верой, сердцем, – убеждён Патриарх. – Библия, будучи документом, на котором лежит печать культурного, исторического, филологического контекста, одновременно несёт в себе вечные неизменные истины, которые по-разному усваиваются и интерпретируются каждым последующим поколением».

«Ещё раз хочу сказать, что я выражаю удовлетворение проделанной вами работой, но хотел бы обратить ваше внимание на необходимость связать наши современные библейские исследования (особенно в области перевода) с тем, что уже было ранее сделано, в том числе совместными усилиями нашего духовенства и учёных, которые, рискуя карьерой, развивали полулегальные отношения с Церковью в лице ректора Ленинградской духовной академии», – заключил Святейший патриарх.

Подводя итоги конференции, участники сделали ряд предложений:

- считать полезным проведение регулярной Общецерковной библейской конференции на базе учебных заведений Русской Православной Церкви;
 - продолжить работу по переводу Священного Писания на языки паствы, окормляемой Русской Православной Церковью;
 - продолжить подготовку критического издания Славянской Библии;
 - начать работу по подготовке нового общецерковного перевода Священного Писания на современный русский язык;
 - Учебному комитету Русской Православной Церкви рассмотреть возможность введения древнееврейского языка в бакалаврскую программу духовных школ Русской Православной Церкви.
- Итоги форума будут обсуждены на очередном заседании Синодальной библейско-богословской комиссии.

По материалам Информационного агентства КИОА и пресс-службы Патриарха Московского и всея Руси

Святыня под крышкой

Говоря об этой конференции, нельзя не вспомнить прошлые конференции, проводившиеся СББК (тогда еще СБК) под председательством митрополита Филарета, широкое представительство зарубежных участников и общий градус приветливости, диалогичности, открытости. К слову, насколько помню, переименование СБК (добавление определения «библейская») произошло после предыдущей конференции (2010 г.). Не помню точно обоснование этого переименования: кажется, оно было связано с недостатком активной работой библейской комиссии в рамках тогдашней СБК, и добавление префикса «библейско-богословская» должно было означать больший акцент на исследованиях в области библеистики.

Значимость, интерес и, если так можно выразиться, «эффект» прошлых конференций во многом, конечно, зависел от их тематики. Например, большое внимание было приковано к конференциям 2003 и 2007 гг. по проблемам экклезиологии и таинств. Они также характеризовались большим представительством зарубежных участников. Длящееся их «послевкусие» выразилось, в частности, в публикации материалов (в конференции по таинствам 2007 г. их оказалось столько, что пришлось выпустить 3 тома), которые представляют и научный интерес и по-прежнему используются в учебной и научной работе специалистов по данным темам. Мате-

риалы же конференции 2010 г. по этике и аскетике до сих пор не увидели свет (и, надо полагать, едва ли увидят).

Итак, перед последней конференцией очевидно ставилась задача продвигать библейскую науку в православном богословском дискурсе, органично связать ее с богословием, обозначив для нее подобающее место (которого библеистика, увы, практически лишена до сих пор, живя «на стране далеке»). Удалось ли это? Наверное, «время покажет». Конечно, заявления о важности и необходимости библейских исследований в свете православного предания, произносимые с высоких трибун, безусловно нужны и важны. Другое дело, что пока Священное писание остаётся святыней под крышкой, из которой чтец или дьякон иногда прочитывает маловразумительные для народа отрывки, или пока в средних и даже в высших учебных заведениях отношение к Библии – ритуальное или сакрально-буквалистское (сам недавно слышал от магистрантов ОЦАиД, каким шоком для них оказались лекции по библеистике – входящие в противоречие с крепко усвоенными ими на предыдущих стадиях православного образования благочестивым преданием о непосредственно небесном происхождении каждой буквы в текстах Священного писания), – едва ли любые конференции сами по себе смогут исправить положение.

Про фундаментализм

Ради принципа икономии в церкви порой идут на любые компромиссы с фундаментализмом, который из-за этого «зарывается» и начинает диктовать свою волю. К сожалению, это происходит и в отношении казалось бы давно решённого в церкви вопроса, касающегося перевода Библии. Опять во многих выступлениях звучали оправдательные интонации: и про перевод Писания, и про библейские исследования. Пока так будет продолжаться, трагический разрыв между преданием, его воплощением и библеистикой будет сохраняться, причём не только в целом в церкви, но и в отдельных церковных людях, пытающихся заниматься научными исследованиями Писания.

Про патриарха

Неожиданное присутствие патриарха на итоговом заседании придало последнему заметный колорит. Мне впервые пришлось наблюдать патриарха на рабочем заседании, поэтому я был приятно удивлен. В зал вошел усталый пожилой человек, но всё изменилось, когда он взял итоговое слово. Он буквально преобразился. Вообще устное слово – несомненная харизма патриарха. Хочется лишь пожелать, чтобы это слово, слово верующего человека, звучало шире.

Слова из молчания, из дождя

«Не прерывай женщину, которая молчит», – гласит старинная итальянская пословица. В молчании можно встретить восход и закат, услышать пение птиц и шелест листьев. Заглянуть за краешек света.

Молчание рифмуется с тишиной. Но бывает и говорливое молчание, когда множество слов и звуков плещутся внутри и никак не уймονται.

Среди отцов-пустынников немало тех, кто молчал годами. Кто жил в дальних скитах и творил молитву. Среди православных подвижников благочестия встречаются и те, кто живёт среди людей, ездит в метро, работает, и при этом знает сокровенную тишину, речь внутреннего человека.

У современных католиков из тех, кто умеет молчать, можно назвать братьев ордена траппистов. Они не занимаются ни социальной, ни педагогической, ни миссионерской деятельностью. Молятся и трудятся. И воскрешают в своей жизни идеалы древних христиан. У монаха нет ничего своего, даже кельи – он спит в большом dormitorio вместе с десятками братьев. Траппистов называют молчаливками, что в известном смысле верно: хотя монахи и не дают обета молчания, они имеют право разговаривать только со старшими по иерархии и в особых случаях с посторонними. Для общения друг с другом выработан особый язык жестов.

Трапписты ведут созерцательный образ жизни, и в то же время деятельный. Потому что не сидят сложа руки. Не случайно их монастыри знамениты производством сыров и пива.

Томас Мертон (1915–1968) был одним из насельников монастыря траппистов в американском штате Кентукки. Он жил вместе со всеми. И писал книги. Отец Луи (такое имя дали ему в монашестве) написал больше десятка книг – поэзия, проза, эссеистика. Очень интересовался дзенем, что неудивительно. Ведь дзен, с его эстетикой парадокса, позволяет мысли застыть в полёте, уйти в тишину.

В своих стихах Мертон говорит о парадоксе молчания и радости молитвы. Через стихи входит в общение с Другим и другими, и острожно касается проблем новой христианской антропологии.

Современный мир теряет человека. Человек становится функцией – в гораздо большей степени, чем при социализме. Он не просто закодирован, но и сам является частью кода. Он стремится в царство машин, превращается в супергероя с минимальной органической начинкой. Образ и подобие исчезают. Так говорит искусство кино,

так говорит искусство слова.

Но параллельно конструированию Шварценеггера идёт и превращение человека в животного. Он только часть эволюционирующей Вселенной. Он только фрагмент эволюции. И ребёнок, если взглянуть непредвзятым взглядом, обается с кошкой как зверь со зверем.

Значит ли это, что христианский взгляд на природу человека остался в прошлом? Значит ли это, что рассказ о соседи по лестничной клетке всегда нам будет менее интересен, чем история о киборге или хоббите?

Ответы на вызовы будущего можно найти в переживаниях прошлого. Человек неотделим от природы и культуры. Книги, выстраивающие наше «Я», оживают через столетия. Ландшафт и специфика возникших в нём отношений не позволяют рассыпаться нам в будущем. «Ветхий деньми» становится нашим Другом.

Всё так и не так. И мы можем начать распутывать клубок заново.

Мертон всматривается в своё прошлое. И в этом прошлом находит своё будущее. Он глядит вперёд и понимает, что всё уже как бы было, всё случилось – в метафизическом измерении. Этот факт не отменяет наших ежедневных усилий. Наоборот, придаёт им онтологическую весомость.

О стихах Мертон отчасти можно говорить как о пророчестве назад. Мы слышим его. Но узнаем – из будущего. Сегодня для нас этот текст только текст. А завтра те же самые строчки наполнятся пророческим смыслом.

Классическая христианская антропология, завязанная на соотношении духа, души и тела, находит в произведениях Мертон продолжение. Мы видим человека, растворённого в пейзаже и графике стиха. Наверное, многие произведения католического автора не дотягивают до совершенства, теряются в риторике, в жестах. Но сам подход даёт ослепительную перспективу.

В своё время евразийцы говорили о цивилизационных границах, о разрывах между странами и культурами и связывали их с географией. Такое буквальное понимание значимости места сегодня, конечно, устарело. Но каждый наверняка чувствует, что разговор о месте проживания и написания текста – не пустой звук. Странное дело, тот же самый русский человек в Европе ведёт себя иначе, чем в Азии. Иные волны ментальности, иной социальный и природный контекст вынуждают его менять стратегию поведения. Да и импульсивные жесты становятся другими. Оно и понятно: одно дело проснуться тёплым весенним утром

Песня: если ты ищешь...

Если ты ищешь небесный свет,
я, Одиночество, твой учитель.

Я уведу тебя в пустоту.
К странному солнцу новых рассветов,
Открою окна
Твоих внутренних комнат.

Я, Одиночество, дам условный знак,
следуй за мной, за моим молчаньем.
Не бойся, маленький упрямец
(ты – слово и зверь).
Я, Одиночество, посланник Божий,
молюсь о тебе.

В тёмном бархате пустой ночи
Сияй луна пилигрима.
Я – предназначенный час,
«теперь»
отсекает время.

Я всполох ночной,
ни «да», ни «нет»,
предвестник Слова Господня.

Следуй за мной, и войдём
в солнечное сиянье:
слово и музыка, и тихая радость
без вопрошаний,
по ту сторону всех ответов.
Ибо я, Одиночество, твоё «я».
Твое «всё»,
Твоё согласие – твой «аминь».

Моему брату, погибшему в 1943-м

Милый брат, если я не сплю,
Мои глаза – цветы на твоей могиле.
Если я не вкушаю хлеб,
Пост словно ивы там, где ты умер.
Если в зной я остаюсь без воды,
Моя жажда – твой источник.
Где, в какой безвидной стране
Лежит твоё холодное тело?
На каком повороте беды
Душа потеряла дорогу?
Приди, успокойся в моих делах,
Преклони голову в мои муки.
Или просто возьми мою жизнь
И купи себе лучшее ложе.
Или дыхание возьми
И купи себе белый саван.
Где погибли воины Второй Мировой
И флаги упали в пыль,
Кресты всё ещё говорят:
Христос умер за нас.
Ибо на обломках твоей весны –
распятый Христос.

И Он оплакивает мою весну,
Изумруды Его слёз
Падают в твою слабую руку.
Это выкуп за землю покоя.
И молчание Его слёз –
Колокольчики на твоей безымянной
могиле.
Услышь их и приди: они зовут домой.

у моря, другое – в сером декабре в спальном районе Москвы-Петербурга. Пейзаж имеет прямое отношение к антропологии, в том числе и христианской. И Мертон показывает это во многих текстах.

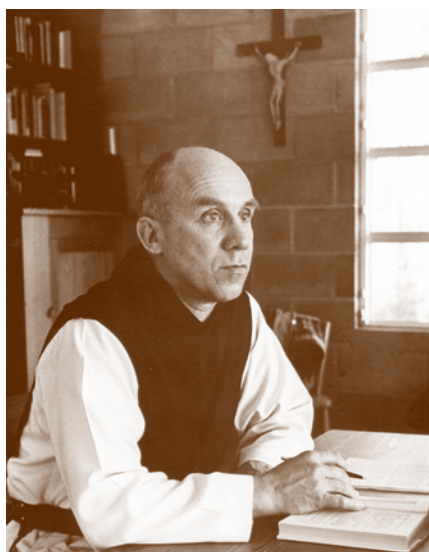
И ещё он показывает, что паузы, белый лист бумаги (или, в наше время, новая вордовская страница) тоже способны повлиять на характер нашего восприятия мира. Дизайн, работа с пробелами, переносами, зазорами имеет касательство и к христианской антропологии.

Молчание может быть никаким. Потому что человек бессилён что-либо молвить: его съел социум, он раздавлен. Но есть молчание, которое звучит. И есть поэзия после молчания. «Чем продолжительней молчанье, / Тем удивительнее речь», – написал когда-то Николай Ушаков. Именно этот афоризм как нельзя более точно передаёт впечатление от поэзии Томаса Мертона. В русской поэзии с графикой стиха, с его разветвлениями, сносками, уходами вперёд и назад во времена Мертона работал Всеволод Некрасов. Он нарисовал круг, и написал внутри слово «всё». И это всё относилось и к метафизике, и к идеологии (в нацистской Германии словечко *alles* часто соотносилось с речами фюрера). Некрасов работал со шрифтами и иностранными словами. У Мертона тоже можно встретить подобные эксперименты. Древнегерманские руны и латинские строки, строфы и пропущенные строфы, строчки по диагонали, слова-лестницы, рисунки. Словом, авангард (или, если угодно, ретроавангард) в христианском контексте.

Погрузившись в молчание, в тишину, Мертон неожиданно открыл в себе источники творчества. И книги, написанные от лица «внутреннего человека», человека, идущего по пути к Богу, оказались востребованными. В них нет ничего назидательного, напыщенного. Они дышат светом, улыбкой, радостью слова. И есть в них какая-то детскость. Евангельская максима «будьте как дети» применима к творчеству поэта. О ребёнке внутри нас сам Мертон пишет так. «Не робей, Карл Барт, – обращается он к знаменитому протестанту. – Хоть ты и стал великим богословом, Христос внутри тебя всегда остаётся ребёнком. Твои книги, как и мои, значат гораздо меньше, чем мы с тобой думаем. Но есть внутри нас Моцарт, который спасёт нас».

Мертон практически постоянно жил в монастыре. Первая его долгая командировка оказалась последней: он погиб в Бангкокской гостинице (удар током от неисправного вентилятора) в Таиланде, куда приехал для участия в конференции азиатских бенедиктинцев и цистерцианцев.

Борис Колымагин

Томас Мертон. Фото с сайта Living Wittily

Песенка никому

Жёлтый цветок
Свет и дух
Песни сами себе
Никому

Золотистый дух
Свет и полёт
Песни без слов
Сами собой

Пусть никто не касается
мягкого солнца,
В чьём тёмном зрачке
Кто-то проснулся.

Ни цвета-света, ни золота, ни имени,
И ни мысли:
Совсем проснулся!

Золото небес
Поёт себе.
Песенка никому.

О, сладкая глубина молитвы

Ветер и куропатка
И солнце полудня

Я перестал вопрошать солнце
И стал светом,

Птицей и ветром.

Моя листва поёт.

Я земля, земля.

Всё дышит,
Растёт из моего сердца.

Высокая, тонкая сосна
Напоминает первую букву
Моего прежнего имени,

Когда я был дух,
Когда я горел,
Когда эта долина

Дышала прозрачным воздухом.
Ты произнёс моё имя
Вместе с именем Твоего молчания:
О, сладкая глубина молитвы!

Я земля, земля.

Моя сердечная любовь
Прорывается к цветам и сну
Я озеро голубого воздуха
В котором отразились
Поля и долины
Моей души

Я земля, земля

Из травы моего сердца
Вылетела куропатка

Из сорной травы
неумелой молитвы.

Путь в бездну (Иона, 2 гл.)

Я спустился
В глубокую яму.
Путь в бездну,
На дно океана.
Я спустился глубже,
Чем Иона и кит.
Никто не погружался так глубоко,
Как я.

Я спустился глубже
Алмазных копей,
Глубже алмазных трубок
В Кимберли.
Путь в бездну,
Я подумал, что стал дьяволом,
Он не спускался так глубоко,
Как я.

И когда все подумали:
Он ушёл навеки,
По дороге в бездну,
В крошечный ад,
Меня вернули в тело,
Я вернулся,
И колокольчик мой прозвенел.

Несмотря на то,
Что меня нарекли «ничто»,
Несмотря на то,
Что меня заочно похоронили,
Несмотря на несправедливость
Я видел корень
Своей веры.

Я видел пещеру
Жизни и смерти,
И я знаю
Секреты войны,
Я видел утробу,
Породившую всё и вся:
Так глубоко я был!

И когда все подумали:
Он ушёл навеки,
По дороге в бездну,
В крошечный ад,
Меня вернули в тело,
Я вернулся,
И колокольчик мой прозвенел.

Перевод Бориса Колымагина